

Александр Толкачёв

Купец-просветитель, Или Ни одного неграмотного

De mortuis seu veritas, seu nihil" - О мёртвых правду, или ничего.

*“Для того, чтобы процветало искусство,
нужны не только художники, но и меценаты”.*

К. С. Станиславский, “Моя жизнь в искусстве”.

Действующие лица
Пётр Иванович Макушин,
Радиожурналисты:
Максим,
Люба,
Голос Ирины.

*Минут за пять до начала спектакля в фойе и в зале театра начинает звучать
следующий текст:*

Максим. Уважаемые зрители, прослушайте выдержку из «Краткого очерка общественной деятельности Петра Ивановича Макушина», опубликованного в буклете «К 80-летию со дня рождения», изданном при советской власти в 1924 году. Так, после кровопролитной гражданской войны, большевики отмечали юбилей царского сибирского книжного миллионера.

Люба. Петром Ивановичем Макушиным учреждены:

Максим. «Первая в Томске публичная библиотека (1870), книжный магазин (1873), Общество попечения о начальном образовании в Томске, послужившее образцом для таких обществ во многих городах Сибири (1882).

Люба. Две женских рукодельных школы (1881-1890), студенческая столовая (1888).
Кулинарная школа при студенческой столовой (1889).

Максим. Книжный магазин в Иркутске (1893). Общество взаимопомощи учащихся и учивших в народных училищах Томской губернии (1897). Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии (1902-1919).

Люба. Общество пособия вечерним образовательным классам (1908). «Дом науки» (1912).
Детский очаг для призрения 100 детей (1915).

Максим. Общество содействия устройству в сёлах и деревнях Томской губернии разумных развлечений (1915).

Люба. Народный университет в Томске (1916).

Максим. Как организатор Макушин выступал в таких просветительских деяниях, как публичные чтения (1875-1878) публичные лекции (1881-1885), воскресные школы (1881-1891), народные воскресные чтения (1883-1891), вечерние рисовальные классы для ремесленников (1885-1886), вечерние повторительные классы (1886-1891), научная выставка (1887), классы ручного труда (1890-1895), летние курсы ручного труда для сельских учителей (1891).

Люба. Кроме того, по инициативе Макушина учреждена в Томске бесплатная лечебница (1883). Открыта в Томске народная библиотека (1884) и выстроено для неё отдельное здание, которое впоследствии получило название «Народный дом».

Максим. Макушин принимал деятельное участие в городском общественном управлении как гласный Думы в течение 40 лет. Он возглавлял 15 лет городскую училищную комиссию (за эти годы было открыто 17 школ). Так же он вёл работу более 30 лет в Томском благотворительном обществе, как член правления. 18 лет председательствовал в обществе содействия открытию сельских бесплатных библиотек (открыто 600 библиотек).

Люба. В обществе земледельческих колоний, как участник в организации и товарищ председателя в первый год и как член правления в последующие 12 лет.

Максим. В обществе попечения о начальном образовании, как председатель, проработал 10 лет.

Люба. В обществе разумных развлечений в сёлах Томской губернии избирался председателем 4 года.

Максим. В комитете детского очага работал председателем 4 года. В попечительском совете ремесленного училища был членом совета 3 года. В обществе пособия вечерним общеобразовательным классам председательствовал 3 года.

Люба. В совете народного университета – 3 года.

Максим. Известен Макушин прежде всего как издатель. Им основаны и издавались прогрессивные газеты: «Сибирская газета» и «Сибирская жизнь», имевшие большое распространение в Сибири. «Сибирская газета» после трёх предупреждений была закрыта за «вредное направление».

Люба. В разделе «Торгово-промышленная деятельность» говорилось, что Макушиным основаны и функционировали под его руководством: книжный магазин в Томске - первый в Сибири, магазин канцелярских товаров, магазин нот и музыкальных инструментов.

Максим. Типография и переплётные мастерские в Томске и в Иркутске.

Люба. Макушин открыл 125 книжных лавок-шкафов при волостных правлениях и сельских школах Томской губернии.

Максим. Открыл книжный магазин в Иркутске.

Люба. В особый раздел были включены пожертвования Макушина, начиная с тысячи рублей.

Максим. На строительство студенческой столовой – 1 000 рублей, на строительство студенческого общежития – 1 000 рублей, на устройство научных лекций – 1 000 рублей, на содержание «детского очага» - 1 000 рублей, в кассу общества пособия учащимся – 1 000 рублей, на стипендии в женской гимназии – 2 000 рублей, на фундамент проектируемого здания для народной консерватории – 3 000 рублей, на деревянный двухэтажный дом для народной библиотеки в с. Ощепково – 3 000 рублей, на семена в год неурожая в Томской губернии – 3 000 рублей, на строительство четырёх домов для бедных – 4 000 рублей, в кассу общества учащихся и учивших – 4 000 рублей, в кассу взаимопомощи рабочих типографии и переплётной – 5 000 рублей, в кассу института изучения Сибири для премирования книг о Сибири – 5 000 рублей, на постройку здания для высших женских курсов -13 000 рублей, на учреждение Сибирского литературного фонда – 25 000 рублей, на строительство «Дома искусств» в Томске – 30 000 рублей, на устройство вагона-бани и вагона дезинфекционной камеры – 50 000 рублей, на устройство и содержание народных бесплатных библиотек в Томской губернии – 40 000 рублей, на строительство «Дома науки» - 110 000 рублей, на содержание народного университета (недвижимое имущество) - 250 000 рублей.

В конце этого раздела значилось: всего около 600 000 рублей.

Люба. Текст буклета заканчивался словами: «1 июля 1922 года Макушин приглашён к участию в организации государственной книготорговли в Сибири и с того числа состоит членом Правления Сибирского краевого издательства. 1 марта 1924 года избран и утверждён Сибревкомом в звании товарища (заместителя) председателя Сибирского отделения Всероссийского общества «Долой неграмотность».

Максим. В 1926 году, после кончины Петра Ивановича, газеты «Правда» и «Известия» откликнулись некрологами, а томская газета «Красное знамя» дала целую полосу, посвящённую Макушину.

Люба. Потом тридцать лет никто не вспоминал его имени по-доброму. Макушина обвиняли в пособничестве Колчаку.

После небольшой музыкальной заставки, на авансцене из темноты в луч света входит старик, опирающийся на трость. На нём костюм конца 19 или начала 20 веков. Это Пётр Иванович Макушин. Старик пристально всматривается в зал.

Макушин. Я всегда думал, какими же Вы будете, наши потомки? Что Вам будет интересно, чем вы будете заняты в свободное от работы или учёбы время? Какие книги будете читать, и чем будет заполнена Ваша повседневная жизнь?..

Как много и многими людьми было вложено в Вас, даже не видя и не зная Вас. Сколько жизней достойных людей положено на алтарь Отечества ради Вас.

Помните ли Вы о нас, ушедших в Небытие? Что знаете о нас и хотите ли узнать правду о ком-то напрасно и недостойно возвеличенном, или же наоборот, продумано оболганном в чьих-то корыстных интересах? Хотите ли знать если не всё, то многое о своих и чужих предках без прикрас и выдумок псевдоисториков?

Если да, присмотритесь внимательно к истории моей жизни.

Макушин исчезает. Слабо высвечивается комната радиостудии. В ней большой стол, микрофоны, стулья.

Слышится голос Ирины: Люба и Максим, вторая студия свободна. На запись программы у вас час тридцать минут. Где вы, Люба, Максим!

В аппаратную входят Максим, Люба и сразу включается полный свет.

Максим (поднимает руку, приветствуя кого-то в зале). Мы уже здесь. Успокойся, заботливая ты наша.

Люба. Спасибо, Ирина! Постараемся успеть.

Голос Ирины. Повторяю, у вас полтора часа на всё про всё. Время пошло.

Слышится щелчок отключаемого микрофона.

Люба (усаживается за стол). Ну вот, у нас целых полтора часа. В эфир нужно выдать минут тридцать-сорок. Поехали без разминки. (Надевает наушники, включает микрофон, появляется надпись «Микрофон включён»). Всё, начали.

Максим (тоже надевает наушники). Поехали. И кто только слушает наши дебильные передачи?

Люба. Кому надо, кому интересно, тот и слушает.

Максим. Интересно, кому это интересно? Жил человек, жил тыщу лет назад и вот нате вам, давайте поговорим о нём. С дубу рухнули, что ли? О дне сегодняшнем говорить надо. О хлебе насущном, а не об архивной пыли.

Люба. Тебе за это деньги платят. Отрабатывай запрос общества молча.

Максим. Так мне молчать или всё же что-то говорить обществу?

Люба. Читай текст после меня. Желательно хорошо поставленным голосом. Понял?

Максим. Понял. Спасибо за разъяснение моих функциональных обязанностей.

Максим и Люба читают тексты с листов предполагаемого сценария.

Люба. Здравствуйте, уважаемые слушатели! Мы продолжаем цикл передач о выдающихся людях нашей области. Сегодня мы вам расскажем о Петре Ивановиче Макушине, купце, книготорговце, благотворителе, просветителе, много сделавшего для того, чтобы жители нашей области, в те годы губернии, освоили грамотность и пристрастились к чтению книг.

Максим. И не только нашей Томской губернии. Размах деятельности просветителя был огромен и распространялся практически на всю доступную ему в те дни матушку Сибирь.

Люба. Многие живут, не заботясь о будущем: день прошёл и хорошо, а уж о том, что про них скажут люди после их смерти, вряд ли кто задумывается в суете дней своих. И строим мы свою жизнь сообразно своим представлениям о совести, нравственности и вере.

Максим. Наш город купеческий. Возник на реке Ушайке первоначально по инициативе татарского князца Тояна и его окружения, с целью защиты от более сильных племён соседей. С приходом из Сургута казаков бывшей дружины атамана Ермака, приплывших по приказу царя Бориса Годунова, на реке Томь была поставлена крепость, и основан город Томск.

Люба. Кроме чисто военного значения Томская казачья крепость стала предтечей старательского бума и рудознательства - городом старателей, добывающих на реке Ушайке золото. Добыча впоследствии зачахла, потому что были найдены более мощные запасы ценного металла в соседних регионах, да и сами предприимчивые людишки, вскоре превратившиеся в богатейших томских купцов, нашли иные источники дохода – извоз, виноделие и прочее.

Максим. Перевозить грузы из Сибири в обе столицы России и обратно было значительно выгоднее, хотя столь же небезопасно, как и добыча золота в тайге. Разбойники шалили на дорогах и обозы требовали значительной охраны. Тем не менее, город рос.

В радиостудии, не замеченный присутствующими, появляется Пётр Иванович Макушин. Он внимательно прислушивается к тому, что говорят журналисты.

Люба. И вот, когда его численность достигла примерно 26 000, в губернском Томске появился любопытный человек по имени Пётр Иванович Макушин.

Макушин (негромко). Я родился 31 мая 1844, в селе Путинском Оханского уезда Пермской губернии, вотчине Строгановых, в семье дьячка Ивана Стефановича Макушина и его жены Анисии Павловны, назвали меня Петром. Крещён 4 июня 1844 г.

Макушин, появившись в аппаратной, из неё уже не уходит, прислушивается к тому, что говорят журналисты, дополняет их, если есть прямая речь, но остаётся невидимым для Максима и Любы.

Люба. Детство маленького Петруши прошло в семье мелкого православного священника - дьячка. О бедности семьи Макушин пишет в своих воспоминаниях.

Макушин. «С трёх лет я должен был кормить куриц и гусей, караулить цыплят от коршунов и ястребов».

Люба. С малолетства мальчик помогал матери по хозяйству. В 7 лет Иван Стефанович начал учить сына грамоте.

Максим. Стоп! *(Снимает наушники, Люба щёлкает выключателем микрофона).* Пасти гусей и кормить куриц - не признак бедности. Я и сам в детстве у бабушки в деревне этим занимался. Вот послушай, какие у меня есть свидетельства о семье Макушиных. *(Обращается к своим записям).* «Отец Петра Ивановича Макушина, состоит «на псаломщицкой вакансии дьякона Пышминской слободы Камышловского уезда Богоявленской церкви». Через богатое село Пышма проходит Сибирский тракт. По воспоминаниям старожилов, Макушины жили в двухэтажном доме напротив церкви (низ каменный, во дворе кладовые и амбары, конюшни для скота). Иван Макушин слыл «богатым человеком, торговцем», на первом этаже дома располагался его магазин. После

смерти родителей Петра Макушина «хозяйство было подарено Пышминскому кредитному товариществу, которое открыло в нём шпагатно-прядельную фабрику.

Люба. Извини, Макс, ты немного забежал вперёд. Мы сейчас говорим не о том, да и твои свидетели могли описывать более поздние времена, чем детство Петра Макушина.

Максим. Вполне возможно, допускаю. Но мог ли простой дьячок отправить младшего сына Алексея в столицу на обучение в университете, когда Пётр Иванович Макушин был ещё финансово немошен, чтобы так мощно помогать брату и отцу? Тогда образование в Петербургском университете было тоже не из дешёвых.

Люба. Давай всё по порядку, глядишь, спокойно во всём и разберёмся.

Максим. Да уж, разбираться надо, в его биографии столько несуразностей наворочено за последние годы... Начиная с отца: то он Иоанн Стефанович, то Иван, опять же дядя Стефан... Да и родился Петруша раньше писали в селе Путинском, а сейчас уже в Путино. Сейчас – это шестидесятые годы прошлого века, между прочим.

Люба (перебивает Максима). И так, о детстве.

Люба включает микрофон. Максим, вздохнув, надевает наушники. Макушин присаживается на свободный стул, опирается на трость и начинает говорить.

Макушин. «Азбука славянская давалась мне туго. Отец учил меня по буквослагательному методу... Щелчки по голове, дёрганье за волосы и за уши делали из ученья мучение. Читая часослов и псалтырь, я, разумеется, не понимал читаемого, да об этом никто и не заботился». «Когда исполнилось мне 9 лет, отец отвез меня в село Ильинское к дяде – священнику отцу Стефану Суетину. Дядя определил меня в местное начальное училище, где состоял законоучителем».

Люба. В 1855 году Пётр Макушин принят во второй класс Пермского духовного училища.

Макушин. «После годового экзамена [в духовном училище] я попал в число первых учеников и получил похвальный лист. Слезы матери и отца, когда я, явившись на каникулы, передал им этот лист, были для меня наградой более ценной и пробудили во мне решимость и желание доставить им такую же радость и на будущий год». В духовном училище: «...не проходило ни одного урока, чтобы кто-нибудь не был высечен. По субботам производилась особая экзекуция всех замеченных в течение недели в шалости или лености. Не избег телесного наказания и я».

Люба. За небольшую провинность Макушин был наказан пятью ударами розог. В июне 1858 года Пётр Макушин с отличием окончил курс в училище. В том же 1858 году Пётр Макушин поступил в словесный класс Пермской духовной семинарии.

Макушин. Теперь «отец уже не кричал на меня, мать заваривала для меня чай и поила с сахаром, возбуждая тем зависть в моих сестрах и братьях». Как же, в 14 лет я уже семинарист.

Люба. На него в семье возлагали большие надежды в будущем. И не ошиблись в этом.

Максим. Ему предстоит в течение шести лет изучение богословских дисциплин, курсов философии, математики, физики, логики, психологии, основ медицины, греческого, латинского, еврейского, немецкого и французского языков. (С изумлением.) И это всего лишь провинциальное духовное училище?!.. Да я на журфаке в универе столько не изучал.

Люба. И плюс два курса православной Академии в Петербурге. Он был не в пример тебе, моё наказание неизвестно за что, на редкость примерным учеником, но всё равно, как и все семинаристы, был малообразован и почти не знал русской литературы.

Макушин. И это абсолютная правда.

Максим. Вот с этим не спорю... Сближение с профессором Алексеем Никифоровичем Моригеровским началось у Петра Макушина с разговора о том, что он читал в духовном училище, например, из сочинений Пушкина.

Макушин. «Мой ответ, что я ничего не читал, его не удивил. Первая книга, данная им мне, была “Евгений Онегин”». «...Не получая удовлетворения своей любознательности от

лекций профессоров, я с увлечением отдавался чтению книг из публичной библиотеки Иконникова, рискуя быть уволенным за то из семинарии». В июне 1860 года я был переведён во 2-й класс семинарии – «философию». Радость родителей по этому поводу была безмерной: «...я был первый в роде Макушиных, с успехом пробивающийся к свету и независимому положению», «они видели во мне защитника в будущем, просто жили этой мечтой».

Люба. Библиотека из книг русских классиков, собранная семинаристами и тайно хранимая ими вне стен семинарии...

Максим (*поднимает вверх руку, с грозно вытянутым указательным пальцем и трясёт им*). Чтение «безнравственных книг» запрещено!

Люба (*продолжает*). ...обнаружена ректором семинарии Иннокентием, конфискована и сожжена в присутствии студентов.

Макрушин. «Инспектор, самолично вынимая из мешка книги, стал вырывать их из корешков и бросать в печь, приговаривая: «Вот смотрите, как ваш Пушкин будет корячиться на том свете, а вот и Лермонтову не слаще, а вот безбожник Белинский извивается в огне...». «В зале царила мёртвая тишина, раздавались только дьявольские выкрики инквизитора в чёрном клобуке с крестом на груди...». «Два года, которые я провел в философском классе, были самыми тяжёлыми в период всего моего ученичества».

Максим. 26 мая 1861 года арестован и заключен в тюрьму любимый учитель и наставник Петра Макушина – преподаватель словесности, истории и немецкого языка Алексей Никифорович Моригеровский. Обвиненный во «вредном направлении мыслей», «вредном влиянии на воспитанников семинарии», он сослан в Тотьму Олонецкой губернии.

Макушин. Но «Пробуждённая и воспитанная во мне Алексеем Никифоровичем потребность чтения не оставляла меня...».

Максим. В конце мая 1861 года, почти сразу же после ареста Моригеровского, Пётр Макушин участвует в бунте учеников семинарии. Среди требований семинаристов – разрешение пользоваться книгами Пермской публичной библиотеки, посещать театр, сократить продолжительные церковные службы, улучшить питание. Бунт был своеобразный: семинаристы написали письмо со своими требованиями, завернули в него камень поувесистее, и бросили ректору семинарии в окно. Простенько так и со звоном. Не колокольным, правда.

Люба. Ну не по интернету же им письмо посылать?

Максим. Нет, это я понимаю. А всё-таки скандал. Желая выявить зачинщиков, начальство заставило согласных с требованиями, изложенными в письме, расписаться под ним. На удивление начальства, подписались все семинаристы. Раздувать скандал не стали. Поняли: себе дороже.

Люба. Во второй половине 1861 года ректором Пермской семинарии назначен ректор Астраханской духовной семинарии архимандрит Вениамин (Корелин).

Макушин. Весьма «просвещенный профессор и в высокой степени гуманный человек».

Люба. Он распорядился предоставить Петру Макушину, как лучшему студенту семинарии, отдельную комнату, сделал для него «доступной свою личную богатую библиотеку». У Вениамина Макушин познакомился с «Колоколом» Герцена, «Возванием старца Кондратия», по слухам, автором которого был сам Корелин, «Чёрным переделом», другими запрещенными изданиями.

Макушин. «Я уходил от него вдохновлённым страстным юношеским желанием и готовностью отдать себя по окончании образования на служение народу».

Люба. В 1862 году, архиепископ Пермский и Турский Неофит, довольный успехами в учебе семинариста Макушина, произвёл его отца из дьячков в дьяконы.

Максим. А это уже хороший церковный чин и хороший новый приход. Хотя в одной из современных статей пишут, что Пётр Макушин был сыном причётника. Не знаю, насколько эти три церковные должности соразмерны и денежны, но разночтения в биографии нашего героя с самого рождения меня смущают.

- Люба.** Смотрите, какая кисейная барышня: его смущает. Мало ли кто и что сегодня пишет. Нашим СМИ и биографам верить... Не отвлекайся.
- Максим.** О'кей!.. В августе 1863 года, Макушин, не завершив курс обучения в Пермской духовной семинарии, как лучший ученик «вызван» для продолжения образования в Петербургскую духовную академию. *(Любе)*. В некоторых статьях пишут, после завершения обучения в семинарии. Ну и где правда?
- Люба** *(отмахивается от Максима)*. А в это время в Томске большой популярностью пользуется общедоступная Публичная библиотека (она была официально открыта городской думой в 1833 году), соединённая с библиотекой классической мужской гимназии. Обязанности библиотекаря выполняет Дмитрий Львович Кузнецов, выпускник Казанской духовной академии, преподаватель словесности, редактор неофициальной части «Томских губернских ведомостей».
- Максим.** В 1863 г. библиотека имеет 189 подписчиков, фонд – 2 172 тома, получает 27 периодических изданий. В читальном зале можно было видеть «зипун или чуйку, сидящую с газетой или журналом в руках, по три, четыре и более часов».
- Люба.** Изданный в 1866 г. её каталог содержит описания более 1 500 изданий на русском, французском, немецком и английском языках. Представлены важнейшие работы по истории, географии, этнографии Сибири, начиная с «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (1750 год).
- Максим.** В 1865 г. Д. Л. Кузнецов арестован по делу «Общества независимости Сибири», библиотека оказалось закрытой до 1899 года.
- Макушин.** В июне 1865 года, прослушав общеобразовательный двухгодичный курс, я перешёл на старшее отделение Духовной академии для слушания богословских наук.
- Люба.** В ноябре 1865, инспектор академии архимандрит Владимир, назначенный начальником Алтайской миссии, и Обер-прокурор Св. Синода Толстой обратились к студентам с предложением «послужить делу церкви путём распространения и утверждения христианства на Алтае». На этот призыв немедленно откликнулся Макушин. Он даже выхлопотал себе право со временем представить курсовое сочинение для получения академической степени.
- Максим.** Я думаю, что со стороны Макушина это была просто отчаянная попытка вырваться из стен академии, где нравы были не на много отличавшиеся от семинарских. А на вольных просторах Алтая была надежда отдохнуть от учёбы, и со временем возможно даже быстрее продвинуться по служебной лестнице вверх. По крайней мере, так, наверное, совращал молодых людей будущими наградами за верную службу церкви их руководитель архимандрит Владимир... Кстати, в одной умной книге пишут, что никакого Владимира на Алтае не было, а жил там почти тридцать лет монах Макарий, ставший впоследствии епископом в Томске. Он-то первым и заложил миссию в Улале.
- Люба.** Так это было или же не так, мы теперь уже не узнаем.
- Максим.** Почему? А в архивах покопаться разве нельзя?
- Люба.** У нас времени осталось около часа. Побежишь, в архив?
- Максим.** М-да!.. Нет, мы, конечно, не соврём, если оставим всё как есть, но предполагать-то мы можем, что было, а чего не было?
- Люба.** Конечно, предполагать мы можем всё, что угодно, но только в рамках предлагаемых обстоятельств... *(В микрофон)*. И так, 24 марта 1866 года, накануне Пасхи, колокольным звоном Улала, центр Алтайской духовной миссии, приветствовала нового начальника миссии архимандрита Владимира, и приехавших с ним иеромонаха Платона, иеродьякона Варсонофия и двух студентов Санкт-Петербургской духовной академии – Ивана Солодчина и Петра Макушина.
- Максим.** Вот церкви тогда ещё точно не было. Но это моё предположение... *(В микрофон)*. 26 марта 1866 года, в Улале открыто центральное Филаретовское миссионерское училище для подготовки учителей, переводчиков и церковнослужителей, преобразованное из улалинской школы грамоты.

- Люба.** В первый год обучались 10 мальчиков, окончивших первоначальное обучение в школе.
- Максим.** Едва наскребли со всей округи кучку полуграмотных детишек. За одного даже заплатили родителям баранами. Не хотели местные отдавать детей в школу и всё тут.
- Люба.** Учителя – бывшие студенты Петербургской духовной академии Солодчин и Макушин. Они преподают чтение на русском и местном языках, русский язык, чистописание, священную историю, катехизис, церковное пение и первоначальные сведения о природе.
- Макушин.** Из Петербурга на Алтай я привез 68 книг, «пустил их в обращение между миссионерами» и занялся устройством миссионерской библиотеки. За два года она выросла до 600 томов.
- Люба.** Переплёл книги сам Макушин, выучившись у псаломщика одной из церквей Бийского уезда переплетному делу.
- Макушин.** В 1867 году Томский епископ Алексей инспектировал Алтайскую миссию и остался очень доволен её порядками, а в особенности моей работой. На вопрос архиерея, к какой награде меня представить, я показал свои изношенные донельзя сапоги и попросил преосвященного жаловать меня... подметками. *(Улыбается)*.
- Максим.** Дело в том, что, несмотря на ранее даваемые щедрые обещания архимандритом Владимиром, был он на деньги очень скуп. Ребята вынуждены были жить впроголодь, одеждой и обувью похвастаться не могли, но работали отменно... Нет, ну вот это совсем не из той оперы. То, что энергичного, пробивного Макушина забыли включить в ведомость по зарплате и не платили денег вообще, как пишут некоторые «биографы» в кавычках, поверить не могу. Как и в то, чтобы провинциальный парень, не умел подшивать валенки и сапоги. Более сложную работу переплётчика освоил, а вот работать с простым металлическим крючком, войлоком, куском кожи и с суровой ниткой - нет ... Нонсенс! Про личные качества толи Владимира, толи Макария вообще промолчу.
- Люба.** Вот и помолчи, пожалуйста!.. *(В микрофон)*. Два года молодые люди трудились на ниве просвещения новообращенных алтайцев, в тяжелейших условиях быта, устраивая православные школы в самых глухих местах Алтая.
- Максим.** И вот награда... 31 октября 1868 года, Указом Святейшего Синода один из них - Пётр Иванович Макушин назначен смотрителем томского Духовного училища. Это было началом его жизни и деятельности в Томске.
- Макушин.** «Взял место смотрителя Томского духовного училища – 750 руб. в год при готовой квартире». Куплен «полусгоревший дом на углу Духовской ул. (ныне К. Маркса) и Духовского пер., который за лето отделали». Могу не без гордости сказать, что со дня моего вступления «в должность розга была изгнана из училища навсегда; отношения учителей к детям и вообще к своему делу изменились к лучшему до неузнаваемости». Заметно улучшилось питание детей и условия их проживания.
- Максим.** 18 мая 1869 года, в Преображенской церкви г. Томска обвенчались смотритель Томского духовного училища Петр Иванович Макушин, 25 лет, православный, и Томского кафедрального собора ключаря протоиерея Иосифа Донецкого дочь, девица Елизавета, 22 лет, православная... Не самая бедная девица в купеческом городе, между прочим.
- Люба.** Не завидуй. Завидовать грех. Да и была она бесприданница.
- Максим.** Да?.. А я не завидую. Тем более, бесприданница. Просто с языка сорвалось.
- Макушин.** В 1869 году Духовное училище переехало в более поместительное здание на той же Духовской улице. При училище устроены переплётная, столярная и токарная мастерские. Введена гимнастика. Расширены учебные программы, улучшен преподавательский состав, повысилась успеваемость.
- Люба** *(наигранно радостно)*. 21 апреля 1870, у Петра Ивановича Макушина и Елизаветы Иосифовны родился первенец – сын Дмитрий.
- Макушин** *(радостно)*. 1 июля 1870 года состоялось моё «первое выступление на служение широкой публике» «...я открыл в своей квартире в духовном училище частным порядком библиотеку для знакомых из местных жителей с платою 10 коп. в месяц. Подписчиков

явилось 12 человек; к концу августа их уже было 37, а к концу года – 73. Выдачу книг производила моя жена». Фонд библиотеки – 215 названий в 318 томов. Выписано 3 журнала и 3 газеты.

Максим. Январь 1871 года. Плата за чтение в библиотеке Макушина возросла вдвое – теперь 20 копеек в месяц за одну книгу и 40 копеек за две книги. Более двух книг одному подписчику не выдаётся. Фонд библиотеки пополнился книгами, приобретенными на 400 руб. в долгосрочный кредит у комиссионера учебных заведений Глазунова (*Санкт-Петербург*)... Фу-у! Никогда не давал читать книги друзьям за деньги. Какое-то откровенное жлобство, а не дружба.

Люба. Нам тех людей не понять. Зато мы понимаем, почему в 50-60 годах 20 века детишки выпрашивали в Москве у иностранцев жвачку и, пожевав её, продавали своему лучшему другу в половину рыночной цены.

Максим. Вот так коммунистическая столица выращивала своих будущих олигархов. Кстати, а ты откуда это знаешь? Вроде не старуха ещё.

Люба. Родители рассказывали. Да и по телеку некоторые знаменитые артисты рассказывали о своём счастливом советском детстве с американской жвачкой во рту.

Макушин. 1871 год. «Убедившись, что начатое дело встречает сочувствие общества и обещает быть жизненным», я подал прошение губернатору о разрешении открыть в Томске публичную библиотеку («к этому времени библиотека моя состояла уже из 583 разных книг»). 14 апреля 1871 года я был уведомлён полицейским управлением о разрешении мне открыть публичную библиотеку. Плата за чтение – 8 руб. в год, в полгода – 5 руб., в месяц – 1 руб. В библиотеке открыто детское отделение. Библиотека работает по вторникам, четвергам и субботам с 9 ч. утра до 4 пополудни, по воскресеньям с 2-х до 5-ти пополудни. Размещается в доме Духовного училища, против женской гимназии, в квартире Макушина. В первые годы я сам веду выдачу книг детям, «чтобы ближе познакомиться с их развитием и отчасти руководить выбором».

Максим. Грамотно старик проводит маркетинг своего бизнеса. В итоге спрос рождает предложение, и бизнес идёт в гору.

Макушин (улыбаясь). 28 июня 1871 года в нашей семье появилось пополнение, родилась дочь Елизавета.

Люба. В 1871 году депутаты съезда епархиального духовенства нашли состояние Томского духовного училища «отрадным и хорошим». Генерал-губернатор Западной Сибири Хрущов, осмотревший училище, выразил своё восхищение и горячо благодарил Макушина за образцовое состояние вверенного ему учебного заведения.

Макушин. 5 ноября 1872 года я подал прошение губернатору Супруненко о разрешении открыть в Томске «Сибирский книжный магазин». В ноябре того же 1872 года, я, не имеющий собственного капитала, заключил договор с томским купцом Василием Васильевичем Михайловым, который ссудил мне 5 тыс. руб. под 50% от прибыли «всё время, пока будет существовать магазин».

Максим. «Так составился Торговый дом “Михайлов и Макушин” – первого деньги, второго – труд и знания». Всё по чесноку: фифти-фифти.

Люба. В конце ноября 1872 года, получив двухмесячный отпуск, Макушин отправился в первую поездку в Москву и Санкт-Петербург за книгами. Покупку книг в Москве пришлось ограничить: из-за «полного сомнения московских книгопродавцев», расчёты на какой-либо кредит оказались напрасными.

Макушин. В Петербурге я встретил знакомых по годам учения в Духовной академии издателей и торговцев, которые «с первого же раза» открыли мне кредит. «Я имел возможность, к великому моему удовольствию, получить книг на сумму до 10 тыс. руб.».

Люба. В декабре 1872 года Макушин возвращается в Томск, следом, на лошадях, двигался груз с книгами.

Максим. Вот так, Люба, нужно вести бизнес. Заехал в столице к богатым друзьям нищим человеком, почти бомжом, обременённым огромным кредитом, вернулся в Томск местечковым олигархом.

Люба. Не имей сто рублей, а имей хотя бы пару друзей, которые могут в тебя вложить свои капиталы.

Максим. Ты как всегда права. Только где найти таких друзей среди олигархов в наше время? Особенно среди питерских. За копейку удавятся, а ближнему без личной выгоды ни за что не помогут.

Макушин. «Сомнений в успехе начатого дела не осталось и следа; мечты сделались совершившимся фактом, и я чувствовал себя героем-победителем, возвращавшимся с большого выигранного сражения». В начале 1873 года, я арендовал за 300 руб. в год дом купца Банникова (ул. Набережная реки Ушайки, 4). Началась подготовка к открытию книжного магазина. Я гордился тем, что таких библиотек не было ни в Москве, ни в столице. Это был также новый очаг культуры и просвещения в Томске. Однако снимаемое здание было временным решением. У меня была задумка выстроить отдельное специальное здание. Для меня было очевидным, что денег на мою мечту государство не выделит, поэтому я стал реализовывать свою идею через приглашения к пожертвованиям, создал ей, говоря вашим современным языком, информационное обеспечение, публикуя в «Сибирской газете» объявления и краткие сообщения. Это влияло на выбор места, а здесь были разные мнения, и, конечно, создавало общественный резонанс. Вместе с тем я искал щедрого жертвователя.

Максим. В этом же доме поселилась семья Макушиных, разместились публичная библиотека и переплётная мастерская.

Макушин. 19 февраля 1873 года. В 12-ю годовщину отмены крепостного права в Томске состоялось открытие «Сибирского книжного магазина Михайлова и Макушина». Вниманию публики предложено около двух тысяч книг по всем отраслям знаний, а также хороший выбор детской литературы. Штат служащих магазина – я сам и «малосведущий помощник». Рядом с магазином разместились и библиотека для чтения.

Максим. Из-за «дороговизны доставки книг из Петербурга и Москвы» книги продаются по «несколько возвышенным ценам», но все равно «покупателям книги обойдутся не дороже, как если бы они их выписали сами».

Люба. Книги отпускаются только за наличные деньги. «По желанию покупателей книги могут быть высылаемы в переплете от 25 коп. до 50 коп. и дороже. При магазине имеется лучшая в Томске переплётная». Официальное разрешение на открытие Кабинета для чтения Макушин получил в декабре 1878 года.

Максим. Казалось бы, что жизнь молодому человеку из бедной семьи удалась, удача улыбается ему, только работай и впереди ждут чины, награды, хорошее положение в обществе... Но!

Макушин. 28 марта 1873 года я получил аттестат, выданный правлением Томской Духовной семинарии, о моих знаниях в объеме семинарского курса. В аттестате сказано, что я уволен «от должности смотрителя и учителя ... вследствие болезненного состояния». Здесь же дана характеристика: «В штрафах и под судом не был, поведения весьма хорошего, способен, исправен и надёжен».

Макушин оставляет службу в духовном училище по очень странному «болезненному состоянию».

Макушин. Смотрителем я «пробыл около 4,5 лет и за такой короткий срок успел благоустроить училище как со стороны внутреннего быта его, так и со стороны внешней обстановки до неузнаваемости в нём прежней жалкой во всех отношениях школы».

Люба. После четырёх с половиной лет во всём удачной государственной службы Макушин уходит из училища и начинает новую жизнь.

Максим (снимает наушники). Я думаю, что это было не спонтанное решение, не сиюминутное желание, а хорошо продуманная и математически точно вычисленная стратегия будущего.

Люба. Как это, вычисленная? Кем продуманная?

Макушин внимательно прислушивается к тому, что говорит Максим.

Максим. Видишь ли, все миллионеры говорят, что начинали бизнес с торговли спичками или жвачкой. Ну, в крайнем случае, им прабабушка или прадедушка оставили огромное наследство или же они сами изобрели какое-то чудотворное вещество, невероятную по своим достоинствам машину, сделали великое открытие, с которого и пошёл им финансовое счастье. Как у Цукербергера.

Люба (*снимает наушники, но микрофон не отключает*). А на самом деле?

Максим. На самом деле, если ты даже придумал какую-то расчудесную машину, но для этой машины нет применения в твою эпоху, то твоё изобретение так и останется изобретением с приставкой бесполезное. По крайней мере до того времени, пока кто-нибудь в будущем не изобретёт его снова, на новом витке развития науки и с новыми технологиями. Я вообще думаю, что ничего учёным больше изобретать не нужно, просто надо разбомбить Ватикан и вытащить из его архива всё, что там припрятала в своё время инквизиция. И будет всем счастье.

Люба. И причём тут Макушин?

Максим. А при том, что он был достаточно грамотным и талантливым капиталистом, даже в сапогах без подметок. Работая на Алтае, он создавал школы для инородцев. Работая в училище, он делал то же самое и прививал у детей любовь к книгам. Уйдя из училища, он стал продавать, точнее, перепродавать учебники и книги для этих школ и библиотек, которые некогда сам же и открыл. То есть, работал по классической схеме: товар должен иметь рынок сбыта, иначе крах любому распрекрасному товару и бизнесу. Свой рынок сбыта в Сибири он создавал сам. И только сам. Это верх капиталистического планирования и предприимчивости. И главное, без какой-либо конкуренции.

Люба. Ну какие деньги можно взять с перепродажи книг? Мелочь. Рядом с ним купцы миллионами ворочали.

Максим. Так думали все томские и даже все сибирские купцы. Но они ошибались, потому что по сути были малограмотными крестьянами. Для них книжное дело было тёмным местом. Они лучше разбирались в лошадях и подводах, в золоте и винокурении.

Люба. И всё же, это общественно полезное дело - просвещение народа.

Максим. Я разве сказал, что это не так? Конечно, это просвещение. И это общественно полезное дело. И каждый, занимающийся этим благородным делом, должен быть человеком обеспеченным, если говорить о прибылях в книжном бизнесе.

Люба. Тогда не понимаю, в чём дело?

Максим. Всё дело в нюансах, в которых кроется дьявол. Для начала нужно посмотреть, откуда брались деньги у бывшего смотрителя и учителя Духовного училища.

Люба. Откуда?

Максим. Не только из кредитов друзей и компаньона и из больших оптовых скидок питерских друзей, но и из городской Управы.

Люба. Ну и что? Всё правильно. Управа должна была заботиться о школах.

Максим. Но при этом закупать книги не у местного продавца с большой наценкой, а целенаправленно осуществлять закупки из специализированных контор в Москве или Петербурге за более низкие цены.

Люба. А если эти книги уже в Томске? Не надо ждать три-четыре месяца, чтобы их купить?

Максим. А вот это уже гениальный стратегический ход будущего капиталиста-монополиста Макушина, наверняка задуманный им ещё на Алтае. Создание сельских школ и бесплатных библиотек за счёт жертвователей и городской казны, он превратил в фундамент своего существования в будущем. Книжки-то во все библиотеки покупали у него. И не все библиотеки были бесплатными. Не все. Вот, например, городская библиотека имела платный абонемент.

Люба. Это было на первых порах её существования, когда ещё не было больших капиталов.

Максим. Нет, ты не права, так было с самого начала и продолжалось вплоть до прихода советской власти, представитель которой публично заявил при реквизиции Макушинской собственности: «Больше платных библиотек не будет». Может, не во всех библиотеках это было, спорить не буду, но вот документ... *(Находит нужный документ на столе.)* «1916 год. Издано «Прибавление к каталогу книг Публичной библиотеки П. И. Макушина в Томске». Библиотека, судя по инвентарным номерам, имеет около 16 тыс. названий книг. Число подписчиков в зимние месяцы – до 1 500 человек. В день производится от 200 до 350 обменов книг. В читальне при библиотеке бывает до 30 человек. Студенты читают в кабинете бесплатно»... То есть, вероятно, имелись читатели не студенты, которые платили за посещение библиотеки. Более того, где-то я читал, что у Петра Ивановича были даже абонементы с обедами и ужинами, как бы скрывающие взимание денег за посещение библиотек. С обедом абонемент стоил – 4 рубля, с ужином – 7.

Люба. Так это же хорошо. Человек заботился о здоровье своих читателей.

Максим. Да, можно подумать, что заботился, если бы цены не были бы такими высокими. Поэтому-то и народу было не так много в первые годы в его библиотеках. А в городскую Управу не единожды поступали жалобы на Петра Ивановича, что он наживается за счёт городской казны, требовали расследования и наказания виновных в непозволительных тратах общественных средств.

Макушин. Меня не раз обвиняли в погоне за наживой. Летом 1884 года ревизионная комиссия Городской думы выдвинула против меня официальное обвинение. Один из пунктов был таков: «Как председатель училищной комиссии, Макушин не имеет права быть продавцом книг для городских училищ». Была названа и цифра в 35 778 рублей, полученных из городской Управы на книги и учебные пособия, книжным магазином Макушина в течение четырёх лет. Недруги хотели меня лишить возможности торговать в городе учебниками. Но это бы ухудшило снабжение города учебниками и учебными пособиями. Ставилось в вину и приобретение, как считали некоторые, совершенно ненужных школьникам предметов: настенные часы, вёдра в классах для питьевой воды комнатной температуры... В тот раз разум всё же восторжествовал над ненавистью и завистью: тридцать гласных Городской думы против шести постановили: «Признать доклад ревизионной комиссии не заслуживающим внимания».

Люба. Но через несколько лет городской голова Евграф Королёв нанёс-таки ему ощутимый удар. Пожертвовав три тысячи рублей на городские школы, он поставил условия: «Учебники и канцелярские принадлежности закупаются помимо магазина Макушина».

Максим. Как и всякий капиталист, Макушин ввязывался в любые дела, приносящие прибыли. Помещал деньги в государственные и частные банки, получая крупные проценты. Не гнушался и сам в долг давать под большие проценты. В его записной книжке за 1915 год значится целый список таких должников. Или вот. *(Роется своих бумагах. Читает.)* «При оценке личности Макушина следует избегать соблазна его обожествления. Не был Петр Иванович иконой. Знавшие его близко отмечали, что Макушин был не лишен определенного тщеславия. О всех своих жертвованиях объявлял публично, на весь город, да и в отношениях с близкими, по слухам, был тяжелым человеком, что, впрочем, нисколько не умаляет его заслуг. В дореволюционном Томске Макушин пользовался всеобщим уважением и признанием, свидетельством чему - звание Почетного гражданина города». И я с этим полностью согласен.

Люба. Ну, допустим, Почётного гражданина города ему присвоили немножко за другое и гораздо раньше, чем у Макушина возникла мысль о Народном университете. Согласно указу императора Николая I, почётное гражданство присваивалось детям личных дворян и сыновьям священников по окончании ими семинарии или духовной академии, а также выпускникам высших и некоторых средних специальных учебных заведений. Как ты не понимаешь, Максим, это же фейки, которые распространяли и распространяют недоброжелатели и просто враги, а их и в наше время у всех хватает.

Максим. Если бы это было так!

Люба. Ну, смотри, вот что писал некто Попов, современник Макушина: «В Томске по деловитости и энергии его считали американцем, человеком себе на уме, но, в конце концов, и те, кто в 1885 году говорили мне, что Петр Иванович под общественным делом ловко обделывает свои личные, сдались и признали, что за свои 45–50 лет пребывания в Сибири Макушин дал Томску, губернии и даже всей Сибири столько, сколько не дал никто другой, за исключением, быть может, Ядринцева и Потанина».

Максим. Всё это так, но почему никто не говорит, какой вклад в экономику Сибири и Томска внесли местные купцы: Второв, Кухтерин, Королёвы, Горохов, неграмотный хант Валгусов, Цибульский, Филимонов, Пушкив, тот же компаньон Макушина Михайлов и прочие? Кто сейчас помнит их имена? А ведь экономика всегда стоит немного впереди развития любой интеллектуальной деятельности.

Люба. Не совсем с тобою согласна. Всё-таки, вначале было Слово, гласит Библия. Но то, про что ты говоришь, можно сравнить с театром. Пьесу пишет драматург, а все аплодисменты почему-то достаются артистам.

Максим. Но они же тоже внесли свой вклад в постановку. Значит, и о них нужно говорить.

Люба. В другое время и в другой передаче.

Максим. Я не согласен. Конечно, можно и по одному метеоритному булыжнику узнать многое о Вселенной, но здесь иное. Меценатство в Томске развивалось в духе общероссийских традиций того времени. В 1850 году на месте нынешнего главного корпуса СибГМУ на улице Московский тракт на деньги тогдашнего городского головы Апполона Евтихиевича Филимонова был выстроен первый томский театр...

Люба. Который имел мизерные размеры и был выполнен из дерева. За 30 лет сильно износился, за ветхостью был разобран и продан “на дрова” в 1882 году. Знаю, читала. Подумаешь, какой-то небольшой, почти дворовый театрик.

Максим. Но он был первым в Томске. А далее купцом Королёвым, напротив снесённого ранее деревянного здания, был построен театр из кирпича, вмещавший уже до 1 000 зрителей. Что вполне сравнимо с нынешними залами. Он получил наименование Королёвского театра, по тогдашней традиции давать учреждениям имена их главных меценатов. Во время массовых беспорядков в октябре 1905 года в Томске, в ходе которых за несколько дней погибло по разным оценкам от 60 до 300 человек, он был сожжён и прекратил в дальнейшем своё существование.

Люба. Театр вообще очень тонкое и хрупкое создание. А в нашей провинциальной глуши...

Максим. А что у нас? И у нас иногда были прекрасные актёры и режиссёры. Даже уже тогда из томской купеческой среды вышли известнейшие актёры первого МХАТа Массалитиновы. И наверняка не без воздействия двух первых театров. Но я не про театр, я про меценатов. Так вот. Под богадельню “для престарелых и увечных совершенно ничего не могущих мужчин” Королёвы пожертвовали каменный дом на улице Солдатской (ныне Красноармейская). На совместные средства двух братьев — приют их имени на углу улиц Торговой и Бульварной (Вершинина и Кирова) и ремесленное училище. Евграф и Всеволод Королевы заложили нынешний бульвар Кирова, помогали строить церкви, богадельни и приюты для детей, финансировали дорожные работы и установку газовых фонарей. Золотопромышленник Захарий Цибульский только на строительство Томского Императорского университета пожертвовал более 150 тысяч рублей. На средства купца Петра Михайлова в начале XX века было возведено здание городской больницы. Нынешняя больница №1. Томский меценат Федор Пушкив с супругой создали Мариинский приют для младенцев-подкидышей и пожертвовали для него свой собственный дом. Конечно, имя Макушина безусловно стоит в ряду самых замечательных людей Томска. Петр Иванович открыл вместе с купцом Михайловым в Томске первый в Сибири книжный магазин, а в 1901 году учредил Общество содействия устройству бесплатных библиотек в Томской губернии. За первые 25 лет своей работы Макушин стал большим и уважаемым человеком. Его знали и к нему благоволили губернаторы и важные люди. Он зарабатывал много денег, и охотно жертвовал их: первый в Сибири детский сад,

публичная библиотека, лечебница, телефонная линия, Народный университет и Дом Науки. Но!..

Люба. Давай вернёмся к нашим... делам без всяких «но». (*Надевает наушники*). У каждого из них был свой сектор экономики и интересов. Но не каждый сектор и направление так ярко совпадали с интересами общества и общественной мысли, как книгоиздание и книжная торговля.

Максим. Согласен, умница ты наша. Убедила старого двоешника верной характеристикой беспрюгренного бизнеса нашего белого и пушистого героя. (Обращается к своим заметкам). И так, июнь 1873 года. Получив от Михайлова новую ссуду в 5 тыс. руб. и заняв 10 тыс. руб. у знакомых (под 5% годовых), Макушин вновь отправляется в столицы.

Макушин. «К книгам на этот раз прибавился богатый ассортимент канцелярских товаров, чертежных и рисовальных принадлежностей, игрушек. Общая ценность приобретенного товара определялась в сумме около 50 тыс. руб.».

Максим. Макушин также купил много альбомов и входящих в моду олеографий заграничной работы.

Люба. 31 августа 1873 года, Михайлов и Макушин обращаются в попечительный совет Томской губернской гимназии с предложением о «доставке учебников».

Макушин. Если не позже февраля руководство гимназии сообщит точные сведения «о потребном на будущий учебный год количестве экземпляров того или другого учебника», то книжный магазин «может обязаться иметь указанные учебники всегда в достаточном количестве и отпускать их ученикам гимназии с надбавкой 5% против петербургских цен. Изданные за границей, а также издания Св. Синода и других казенных мест с надбавкою 10%».

Люба. В этот же день педагогический совет Томской гимназии одобрил это предложение.

Максим. А я что говорил? 5-10% это весьма приличная моржа, да плюс ещё при хороших скидках за большие оптовые покупки, доходящие у него до 30 процентов. Это ого-го, какой навар! С ростом продаж Макушин стал активно выбивать у издателей скидки и отсрочки, и это у него очень хорошо получалось - в Сибири он стал практически книжным монополистом.

Макушин. Директор училищ Томской губернии извещает, что хозяйственному комитету гимназии «разрешено заключить условие с книгопродавцами Михайловым и Макушиным на доставку для учеников гимназии учебных книг».

Люба. Князь Н. Костров (1823–1881), известный историк и этнограф Сибири, отзываясь на открытие «Сибирского книжного магазина»: «В Томске, [где живет 25 тысяч человек], до нынешнего года книжной торговли совершенно не существовало. Отмечаем этот факт как весьма замечательный в истории нашей цивилизации».

Макушин (*продолжает с удовольствием*). ...Нельзя не выразить искренней благодарности гг. Михайлову и Макушину за то, что они, не жалея ни трудов, ни издержек, поспешили первые удовлетворить одну из самых необходимых потребностей более просвещенной части населения Томска...».

Люба. В 1873 году Макушин – уже купец 2-й гильдии. Купец второй гильдии имел личный капитал от 5 до 10 тысяч рублей и платил за это звание каждый декабрь ежегодно немалые деньги.

Макушин. В том же 1873, в Вятке издан «Краткий временный каталог книг и учебных пособий Сибирского книжного магазина Михайлова и Макушина в Томске». Тираж разослан по всей Сибири – в средние заведения и низшие школы, во все церкви и волостные правления. До 1900 я выпустил 15 каталогов, объём которых постоянно увеличивался. Последний каталог, изданный в 1915 году, имел 557 страниц.

Максим. Солидно!

Люба. А каким он был благотворителем! Сколько денег отдал на помощь бедноте.

Максим. Если не знать, с кого он эти деньги содрал.

Люба. Ты случайно не член Военно-Революционного Комитета Пятой Армии, арестовавший Макушина вначале в Иркутске, а затем и в Томске в 1920 году?

Максим (*снимает наушники*). А что, разве было не за что?

Люба. Не знаю, не знаю...

Максим. Было за что, было.

Люба. Рассказывай. (*Снимает наушники и снова не отключает микрофон*).

Максим. В магазине, в библиотеках и в книжных лавках Макушина было всё очень дорого.

Люба. Ну и какой здесь криминал? Есть спрос, растёт и цена.

Максим. В этом нет никакого криминала. Тем более, на вырученные деньги был выстроен первый в истории Сибири книжный магазин. Увеличилась покупка книг, город стал основным поставщиком книжной продукции по всей Сибири.

Люба. Вот видишь!

Максим. Вижу. Даже более того, скажу, что частично на эти деньги была закуплена типография. И она стала успешно работать. Выпущены и были распроданы в короткий срок десятки интересных книг. Создана своя переплётная мастерская...

Люба. Вот: создана, куплены, построена. Молодец, мужик! Хозяин.

Максим. Но!

Люба. Что, но?

Максим. Книги, напечатанные в типографии Макушина, были всё же дороже московских. И это опять вызвало недовольство томичей.

Люба. Народу никогда не угодишь. Ждали по полгода книги из столицы, а гут приходи и выбирай прямо с прилавка. И всё равно недовольны.

Максим. Обыватели обращались в городскую Управу с жалобами, что переплётная мастерская берёт непомерно дорого с заказчиков, даже с государственных заказов. Например, если переплёт стоил 10 копеек, то в мастерской Макушина цену задирали аж до полтинника и выше.

Люба. А ты хотел, чтобы это делали бесплатно?

Макушин. При публичной библиотеке в 1873 году я открыл переплётную мастерскую, которая делала для сохранности книг добротные переплеты. Прежде чем попасть на полку, книги получали особые обозначения: на желтом кожаном корешке указывался инвентарный номер, фамилия автора, название книги, фамилия владельца («Макушина»); на верхней крышке переплета и на внутренней её стороне наклеивается экслибрис с указанием отдела библиотеки и инвентарного номера. На обложках и титульных листах – овальная печать: «Публичная библиотека П. И. Макушина в Томске. Основана в 1871 году». Переплётная мастерская выполняла также заказы от учреждений и частных лиц. Цены за переплеты – от 1 руб. и более. Примерно в это же время открыта линовальная мастерская (в начале 20 века выпускала до полутора миллионов ученических тетрадей в год). Специальные станки и машины выписаны из Германии, из Риги приглашены опытные мастера.

Люба. В настоящее время это раритет, стоящий больших денег, между прочим. А в то время... Не хочешь, не плати.

Максим. Ну да, всё для бедных. Бедные эти бедные! Порою, сама книга стоила дешевле её обложки.

Люба. Ну и что? Это бизнес. Бизнес.

Максим. Хорошо. Бизнес, так бизнес. Удачный бизнес при партнёре, у которого брат Глава городской управы, по-нынешнему - мэр, откуда поступают заказы на переплёты деловых бумаг, закупку книг и учебников для школ. Позже Главой томской управы стал младший брат Макушина, Алексей, бывший врач, которого Макушин после окончания врачебного отделения в Петербурге выгнал в Томск. А сам продавец ещё в 1875 году был избран гласным томской Городской думы, от которого частично зависело распределение средств городского бюджета.

Люба. Не пойман, сам понимаешь...

Максим. Понимаю. Рабочие его типографии и переплётной мастерской были в основном из числа политически ссыльных. Зарплата у них была самая маленькая в Томске. Рабочий день длился 10-11-11,5 часов. Из-за этого в типографии и мастерских случались частые забастовки. Рабочие требовали прибавки зарплаты и уменьшение рабочего времени. С трудом удавалось договариваться с хозяином о лучших условиях работы на предприятиях. Однажды случилось и вообще чёрт-те что. После нескольких дней очередной забастовки рабочие и Макушин с трудом пришли к соглашению, на следующий день рабочие всё же вышли на работу, но в 12 часов дня управляющий типографией им заявил: - «За прогулы и забастовку, отменяются перерывы на обед». И забастовка вспыхнула вновь. И снова пришлось договариваться. И таких забастовок у Макушина было много. Ох, много! Не этим ли объясняется наличие в типографии впоследствии видных томских большевистских деятелей: Дербышева, именем которого назван переулок Дербышевский, Баранова-Урубкова, Муравьева, Воложанина, бывшего наборщика типографии, руководителя первого марксистского кружка, инициатора организации Томского комитета РСДРП ...

Люба. Времена такие были. Все норовили соблюсти свою выгоду, урывая от других. Шло первоначальное накопление капитала.

Максим. Правильно заметила: урывая от других. Один томский писатель ещё в советские времена вот так же заметил по поводу Петра Ивановича в новосибирском альманахе «Собеседник»: «Внешне и, на первый взгляд, благодетель, а по сути своей эксплуататор». Автор размышлял: кто же Петр Макушин – успешный капиталист или «истинный друг народа?»

Люба. Ты забыл, что статья завершалась призывом автора «знать, ценить и помнить хорошее, не забывая (но и не подчеркивая!) его ошибок». И он абсолютно прав.

Максим. Не знаю, прав ли. Древние говорили, что про умерших нужно говорить всё или ничего. Все повторяют это, забывая, что эта фраза имеет и своё продолжение. «Об умершем говорить всё или ничего, кроме правды». Правды.

Люба. Правда тоже бывает разная, истина одна. Но до неё ещё докопаться нужно.

Максим. Подчас это сделать очень трудно, если человек заранее и сознательно вводил современников и потомков в заблуждение о себе самом.

Люба. К чему это ты?

Максим. К тому, что Пётр Иванович обладал чудным талантом самопиара. Он всегда присутствовал на всех благотворительных вечерах и всегда что-то отщипывал на благие дела от своего громадного капитала. При этом всегда об этом с помпой печаталось в его газетах и распространялось среди горожан и жителей губернии.

Люба. Да, он умел создать себе имя. Более того, можно даже утверждать, что он любил славу. Например, обо всех своих пожертвованиях он действительно объявлял громогласно, на весь Томск.

Максим. И порою это доходило до смешного. Так однажды, он присутствовал со всей семьёю на каком-то благотворительном вечере, и все члены его семьи отдали на что-то очень полезное городу по одному рублю каждый. В итоге получилось целых пять рублей.

Люба. Видно, дело того стоило.

Максим. Согласен, но и об этом маловажном событии было написано в его газете. Вот так и распространилась слава о том, что он крутой благотворитель не только среди современников, но даже и богатых людей нашего времени. Которые, между прочим, в благотворительности особо не замечены в Томске.

Люба. И не только в Томске, к сожалению.

Максим. Ну да, оффшоры их больше прельщают. А люди верят СМИ больше, чем документам.

Люба. А разве это не так?

Максим. Да всё так, только другие порою жертвовали гораздо большие суммы. Строили театры, детские приюты, церкви и прочее, однако этим не кичились. А про него говорили: вложит в дело один рубль, получит четыре и все в свой карман.

Люба. Видно, очень хотелось человеку быть именно таким, каким он подавал себя в прессе. У каждого могут быть свои слабости. Тем более, ему нужно было себя пиарить с положительной стороны, за ним следила полиция, потому что у него работали политические ссыльные. Однажды Петра Ивановича едва не арестовали по фантастическому обвинению в покушении на цесаревича Николая, возвращавшегося через Томск в столицу из кругосветного путешествия. А дело было так. За неделю до приезда августейшей особы в жандармское управление явился «бдительный» гражданин, якобы видевший, как ночью кто-то закапывал на мосту через Ушайку, по которому должна была проследовать монаршая карета, подозрительный предмет. К несчастью, в двух шагах от этого моста находился макушинский магазин. А поскольку предмет этот сильно напоминал бомбу, то в городе начались повальные аресты предполагаемых заговорщиков. Только почему-то в их числе оказались в основном представители либеральной интеллигенции, в том числе двоюродный брат Макушина Посохин. Сам Петр Иванович на это время из Томска предусмотрительно уехал, оставив родственника присмотреть за магазином. Хотя «бомба» эта оказалась муляжом, который подложил сам сообщивший в полицию, в сознании многих обывателей прочно засела мысль, что это Макушин намеревался взорвать наследника престола. И вообще, он издавал иногда просто крамольные книги. Печатал анархистов, социалистов и даже работу Ленина «Развитие капитализма в России» напечатал ещё в 90-е годы 19 века, когда о Владимире Ильиче вообще никто не слышал.

Максим. Что лишний раз говорит о том, что настоящий капиталист ни перед чем не остановится, если в итоге его ждёт прибыль.

Люба. Ты бы ещё вспомнил марксовские 300%, при которых капиталист способен на любое преступление.

Максим. Да, удивительные люди бывают на Руси великой. При царе-батюшке дружил с высокопоставленными чиновниками, но печатал в своей типографии крамольную подрывную литературу; при Керенском вооружал женский батальон смерти, сформировавшийся в Томске; при адмирале Колчаке проводил в здании Народного университета лекции приглашённого из Омска профессора под названием «Социализм, анархизм и коммунизм» и был адмиралом Колчаком удостоен звания Почётный гражданин Сибири. Адмирал же первым разрешил ему быть похороненным не на общем кладбище, а во дворе фактически своего дома. При большевиках красные неожиданно забыли, что для Колчака Пётр Иванович давал деньги на формирование батальона колчаковцев в Томске и построил для него два банных вагона...

Люба. В 19 году была эпидемия сыпного тифа на фронте и он, вполне возможно из чистого сострадания к русским солдатам решил помочь адмиралу, справиться с этим вопросом хотя бы частично. В день в банном вагоне мылось около 200 солдат и дезинфицировалось столько же комплектов солдатского обмундирования.

Максим. А Адрианова, редактора его собственной газеты, красные расстреляли за гораздо меньшие грехи. Пётр Иванович же благополучно устроился на работу в Новосибирске и получал неплохую по тем временам зарплату совслужащего. Ему даже возвратили один из его домов.

Люба. Ну да, один из десяти отобранных. В Томске к приходу советской власти у него было восемь деревянных домов и два каменных, не считая магазины в Томске и в Иркутске. Про мелкие книжные лавки в губернии уж и не говорю. Вернули всего один дом. Один!

Максим. На семью из двух человек. Первый сын Дмитрий, служивший у него в магазине, умер в 30 лет в начале 20 века, кажется, в Берлине. Второй сын, двадцати пятилетний Пётр Петрович, ещё вначале 18 года уехал с женой в Харбин и погиб там при невыясненных обстоятельствах совсем молодым человеком, вскоре умерла и его жена, но уже в Томске. Остались две дочери. И только одна из них жила вместе с ним в возвращённом доме (*Читает.*) «общей площадью 439, 68 кв. м., На 1-м этаже дома располагается 10 комнат, 2 кухни, 2 уборных; на 2-м этаже – 9 комнат, кладовая, 2 уборных. При доме имеется

электростанция. Фундамент – кирпичный, непрерывный. Крыша многоскатная, железная. Отопление печное – печи «утромосковские, голландские и русские». Проведен водопровод.

Люба. У меня другие сведения.

Максим. Я же говорю, тёмная личность этот Макушин.

Люба. Да если бы и так, как ты говоришь, ты что хочешь, чтобы он жил как бомж в коммуналке?

Максим. Тогда все в коммуналках жили. Жилья-то почти совсем не было в городе. Одно время и у него на бывшей кухне проживала семья какого-то работяги. Пётр Иванович написал заявление, чтобы этого работягу от него отселили. А ведь Макушин всегда говорил и писал, что всё делает для народа, что вся прибыль у него идёт на благотворительность и бизнес. Себе почти ничего не оставляет. На семью шли сущие копейки. Говорил, что очень строго ведёт домашнее хозяйство и не допускает лишних расходов. Постоянно подчеркивал – «всё, что он делает, это не для себя или семьи, а для просвещения народа, для блага любимой родины. А ещё – для потомков, чтобы помнили о нём, Петре Ивановиче Макушине. Об этом говорит и надпись на фасаде одного из самых интересных томских памятников архитектуры – «Дома Науки им. П. И. Макушина». Благодетель, да и только!

Люба. Наверное, всё так и было. Макушин был прижимистым, аскетичным человеком, он экономил на всём, что не касалось просвещения, в т. ч. и на рабочей силе.

Максим. Откуда же тогда взялись дома, обучение детей в Париже и Петербурге? Длительное лечение за границей его самого и сына? Второй книжный магазин в Иркутске и, по сути, третий в Харбине, где хозяином был его двоюродный брат и компаньон Владимир Посохин, бежавший туда от Советов из Иркутска? Да и многое другое, всего не вспомнить.

Люба. У него был огромный книгооборот. Только для Церкви за 50 лет он завёз в губернию более одного миллиона православных книг. Некоторую часть отдал бесплатно бедным приходам.

Максим. Кстати о церкви. Начиная свою просветительскую деятельность Пётр Иванович как будущий священник. Но вот парадокс, уже в конце 19 века он заявил родным, чтобы на его похоронах не было попов. Не священников, а именно попов. Это же он подтвердил и гораздо позже, в веке двадцатом. Да и сама могила с рельсом и лампочкой говорит о том, что он разочаровался в православии и отошёл от Бога. Бизнес убил в нём веру. Книжный бизнес, несущий просвещение и благо для народа, убил в нём самом веру в Бога. Ты это понимаешь?

Люба. И всё же он многое сделал для томичей хорошего. В 1916, когда «Дом Науки» по распоряжению Генерал-губернатора был занят под помещение военнопленных немцев и мадьяр, Макушину всё же «с большим трудом удалось отстоять ... две аудитории для дневного детского очага». Но использовал он эти помещения по полной программе. В вечерние часы в этих двух аудиториях проходили занятия вечерних общеобразовательных классов.

Максим. Не он один занимался благотворительностью. *(Читает.)* В «Очаг для солдатских детей» при «Доме Науки» постоянно поступают пожертвования томичей деньгами, продуктами и вещами от частных лиц, служащих Техничко-Промышленного бюро, от торгового дома «Е. Кухтерин и сыновья», Сибирского фотографического общества, от фирмы «Губкин и Кузнецов», и др.».

Люба. Но он тогда же построил дом для семей солдат, ушедших на фронт.

Максим. Да, один небольшой деревянный домик на две семьи. Некоторые писаки пишут, что три домика, с четырьмя окнами по фасаду. *(Читает.)* «Рубленный пятистенок по фасаду в четыре окна, с четырехскатной крышей, имя благодетеля значится по фризу». По-моему, врут... Но вот что интересно, надпись, что эти домики построил именно он, Макушин, там присутствовала. Очередной пиар и бесплатная реклама на десятки лет.

Люба. Ну почему пиар?

Максим. А потому. 28 августа 1917 он продал целую усадьбу по Протопоповскому (ныне Пионерскому) переулку дворянке Евгении Иовне Заорской за 25 000 руб. Видно раньше других понял, что время смутное и пора деньги класть в кубышку. Но в 18 году, после прихода белых, пожадничал и приобрел роскошный особняк Второва на улице Дворянской, 5. (Позднее Равенства, ныне Гагарина).

Люба. Ну и что?

Максим. А ничего. Мог бы усадьбу детям сиротам отдать, если уж такой сердобольный.

Люба. Другие и того не сделали. А вот он... *(Читает.)* 26 января 1916 года, Макушин делает заявление Городской думе: «Для увеличения средств Народного университета подношу городскому общественному управлению новый дар – на предмет обеспечения Народного университета недвижимое имущество на Монастырской улице (ныне Крылова), 25, состоящее из двух деревянных и одного каменного трехэтажного домов со всеми при них строениями и землёю под ними (425 кв. саж.) Имущество оценивается в 125 тыс. руб., валовая доходность – 10 000 руб. в год». В этом же заявлении он предлагает открыть при Народном университете лекционное бюро «с ассигнованием средств на выезды членов этого бюро в другие города Сибири» для чтения общедоступных лекций... Люди очень хорошо к нему относились.

Максим. Особенно в 905 году, когда его родного брата Алексея, который к тому времени оставил должность врача и стал Главой томской Управы, наверняка не без протекции старшего брата, восставший народ хотел убить, но не смог найти и просто сжёг его дом. Искали и самого Петра Ивановича, но он успел убежать в село Протопопово, где крестьяне, узнав про это, собрали ночью сход и порешили, чтобы он ушёл от греха подальше из их деревни. Тогда Макушин нанял крестьянина, который отвёз его на дальнюю таёжную пасеку, чем и спас народного просветителя от расправы толпы.

Люба. С тобой спорить...

Максим. А ты не спорь, шпарь фактами, документами, своими личными выводами, а не газетными шаблонами.

Люба *(вздыхает, берёт бумаги со стола и начинает читать)*. В 1874 от крупозного воспаления легких скончалась Елизавета Иосифовна Макушина, жена Петра Ивановича, дочь протоиерея Иосифа Донецкого.

Максим. Сочувствую.

Люба. Нужно ему теперь твоё сочувствие.

Максим. Понимаю, дорога ложка к обеду, но в те годы даже мой прадед ещё не родился, не то, что я.

Люба. Жизнь продолжалась, и Пётр Иванович решил развозить книги по деревням. 17 сентября 1874, Пётр Иванович получил Свидетельство за подписью губернатора на право «производить развозную продажу книг, незапрещенных цензурой, по округам Томской губернии через благонадежных лиц».

Макушин. «С зимы 1874–1875 гг. мой служащий с кучером уже разъезжал на паре лошадей, купленных специально для этого, в громадной кошеве, нагруженной ящиками-шкафами с книгами, по городам, селам и деревням Томской губернии», но в «деревнях грамотных не оказывалось, а потому не было и интересующихся какими-либо книгами».

Максим. Всё правильно. Народ мало обучить азбуке, его нужно каждый день пинать, чтобы он из буковок складывал слова и фразы. Вот тогда и книготорговля пойдёт. И всеобщая грамотность появится. А то у нас в стране все среднее образование имеют и даже высшее не одно, а читать ничего не читают. Книжный бизнесдохнет. Писатели деградируют и вымирают, как динозавры. И никто не знает, как заставить людей читать не только всякую фигню в смартфонах.

Люба. Что не говори, а в Томске народ был грамотный. *(Читает, стараясь не слушать Максима)*. По статистике в 1883 году в Петербурге один учащийся приходился на 74 человека, в Москве – на 72 жителя, в Казани – на 35 горожан, а в Томске на 25. В

процентном отношении по грамотности Томск занимал первое место из всех городов России. Поэтому Макушин начал проводить литературные вечера Макушина. Плата за вход – от 20 копеек до 1 руб. Продано 380 разовых билетов и 78 абонементных. Выручено 265 руб. 85 коп.

Максим (*нехотя берёт в руки свои записи*). Опять копейки, опять бизнес на просвещении.

Макушин. Мои Литературные вечера «усердно посещаются и вносят значительное оживление в местное общество». В их устройстве участвуют учителя гимназии и семинарии, частные лица. Плата за вход для всех 20 коп. Продано 215 разовых билетов и 16 абонементных. Выручено 67 руб. Расходы на устройство чтений в 1875 и 1876 гг. – 96 руб. 80 коп. Выручка (236 руб. 5 коп.) передана мною «для приобщения к основному капиталу Общества пособия учащимся».

Люба. 12 сентября 1877, Елена Алексеевна Макушина (в девичестве Путьковская, дочь майора) начала заниматься обучением детей на дому. Фактически Макушин вступил с нею во второй брак не позднее этой даты.

Максим. В 1880 году в Томске уже 34 тысячи жителей. Работает 135 промышленных предприятий, на которых занято 707 рабочих, сумма производства составляет 600 000 руб.

Макушин. В июле восьмидесятого я подал Министру внутренних дел прошение о разрешении на издание «Сибирской газеты».

Максим. В августе того же восьмидесятого года в Томск приехал Александр Васильевич Адрианов с поручением выяснить возможность издания в Томске газеты «Сибирь», «погибавшей под генерал-губернаторской пятой». От Макушина он узнал, что тот уже возбудил ходатайство о разрешении издания еженедельной «Сибирской газеты», «ответ на которое, и притом благоприятный, он ждет».

Люба. А в типографии Макушина и Михайлова уже начали печатать «Томские епархиальные ведомости»

Макушин. И наконец, после долгой волокиты 14 января 1881 года, Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел выдало мне Разрешение за № 284 на право издавать еженедельную газету под названием «Сибирская газета».

Люба. Из воспоминаний А. В. Адрианова: «Издание “Сибирской газеты” разрешили, а я с первого же дня её рождения стал её сотрудником, корректором и секретарем редакции, работая за конторкой, вместе с конторщиком в задней комнате книжного магазина, помещавшегося тогда в доме Банникова у Думского моста. Магазин с небольшой конторой и библиотека с кабинетом для чтения помещались внизу, а сам Петр Иванович с семьей жил вверх».

Максим. «...Один из наиболее энергичных в то время ревнителей просвещения в Западной Сибири, Петр Иванович Макушин, человек денежный и с солидным кредитом, изъявил готовность примкнуть в качестве официального издателя и ответственного редактора к новому еженедельному органу...»

Люба. В редакции «Сибирской жизни» образовался кружок из «наиболее идейных сотрудников» – в числе которых был И. Г. Короленко (брат писателя), писатель Станюкович числился членом редколлегии и много в ней печатался ...

Максим. Вся корреспонденция тщательно прочитывалась губернским цензором Павлом Виноградовым, который красным или синим карандашом вычеркивал то, что по его мнению могло содержать крамолу. Легко представить, как с чувством исполненного долга он вымарывал, например, такую реплику: «Лондонская полиция отличается от нашей двумя чертами: в Лондоне полиция должна быть умна и честна. У нас она может брать взятки и может быть глупа. И оттого она глупа и берет взятки». После такой «редактуры» Виноградов отсылал депеши в надзирающие органы: - «Эти журналисты своим нытьем настраивают читателей пессимистически, так как в своих материалах показывают главным образом неприглядную сторону жизни».

Люба. Газета действительно критиковала российскую бюрократию, коррумпированность чиновников, непродуманность решений местных властей в развитии городского

хозяйства. Однако, кроме подобных материалов печатались ещё и статьи по самым разным вопросам общественной жизни. Научные, исторические, краеведческие очерки. Публиковались повести, рассказы, стихотворения. Такие авторы как Потанин, Обручев, Сапожников, Шишков делились с читателями воспоминаниями об экспедициях по Сибири и Центральной Азии. Сибиряки, ещё до издания их книг могли прочитать главы новых произведений и узнать подробности приключений в труднодоступных местах.

Максим. Всё это время газета не меняла своего курса, хотя на отдельные номера накладывались аресты, редакторы подвергались судебным преследованиям, чересчур вольнодумные сотрудники ссылались в места не столь отдаленные. В 1913 году А. В. Адрианов за статью о стачке торговых служащих фирмы Второва был сослан на три года в Нарымский край, но по разрешению полиции отбывал наказание в Минусинске.

Люба. Власти вынужденно терпели, но не меняли своего отношения к «Сибирской жизни». Губернатор Гран высказывался вполне определенно: - «Издающаяся в Томске кадетская, иудофильская, тенденциозная «Сибирская жизнь» состоит из таких же сотрудников и руководителей. Газета оппозиционная, дискредитирует существующий строй и колеблет основы семейной жизни».

Максим. Между прочим, в годы Первой мировой войны её тиражи достигли рекордных показателей в 20 тысяч экземпляров.

Люба. После Февральской революции и отречения Николая II «Сибирскую жизнь» возглавил А. В. Адрианов. В годы Гражданской войны издание занимало антибольшевистскую позицию, критиковало Советскую власть. В декабре 1919 вышел последний номер газеты, а в марте следующего года Адрианова расстреляют. «Сибирской жизни» не стало... Прошло сто лет, а подшивки сохранившихся в архивах и в библиотеках номеров и сейчас читать интересно.

Максим. Статья молодого журналиста Шерстобитова против передачи сибирских начальных школ Министерства народного просвещения в церковное ведомство не понравилась редакторам братьям Макушиным и была опубликована в совершенно измененном виде. Это возмутило членов кружка... Все влиятельные сотрудники сочли себя вынужденными выйти из состава редакции «Сибирской жизни», о чём и заявили открытым письмом в редакцию. Как говорится, кто ищет правду, тот ищет и новую работу. «После ухода кружка из газеты, «Сибирская жизнь» стала к ним недоброжелательно относиться – начали появляться фельетоны, компрометирующие их».

Люба. О том, что непритязательные (в смысле оплаты труда) провинциальные публицисты протестовали и коллективно выходили из редакций «при первых же попытках со стороны издателей к сделкам с совестью», писал позже писатель В. Г. Короленко. В качестве примера он приводил историю, случившуюся в томской газете «Сибирская жизнь», «где, разорвав с редактором-предпринимателем П. И. Макушиным по политическим мотивам, все ссыльные ушли из газеты».

Максим. А как тебе это понравится. «В мае 1917 года в Томске проходит Съезд народных учителей Томской губернии. Съехалось 600 человек. Почётные председатели съезда – Потанин и Макушин. Участники съезда высказались за отделение церкви от школы, за мир без аннексий и контрибуций». И как в этом случае понимать господина Макушина в истории с «Сибирской газетой»?

Люба. А так и понимай. Прошли десятилетия, свершилась революция, и нужно было строить новую жизнь по новым лекалам.

Максим. На всё-то у тебя, Люба, есть правильные ответы. А, по-моему, всё дело в цензуре государственной и цензуре личной выгоды хозяина СМИ. Государевы церберы дерут за «политику», а частник вообще за всё, что ему не нравится и не выгодно. Возникает вопрос, что лучше: цензура или самоцензура, свобода или диктат хозяина? Холуйство или достоинство?

Люба. Люди меняются...

Максим. Колеблются вместе с прямой линией партии и правительства. Где-то я это уже слышал и не однажды.

Люба. Макушин не политик.

Максим. Ну да. Ещё какой политик. Нет такого капиталиста, который бы не был политиком. Слушай. «1917, 16 апреля на выборах в губернское, уездное и городское народные собрания (приняли участие 43 612 человек)». И это при 100 000 жителей Томска. Почти более 50% всех допущенных к выборам пришли на выборы. Фантастика по нашим меркам! «П. И. Макушин избран в губернское Народное собрание по списку Партии народной свободы (кадетов). Большинство голосов получил список кандидатов от социалистических партий».

Люба. И что? Тогда все были политиками. По несколько раз перебежали от «белых» к «красным» и наоборот.

Максим. Хорошо, читаю дальше. «9–12 мая 1917, в Петрограде проходит Восьмой съезд Партии народной свободы. В ЦК партии выбрано 66 человек, среди них Алексей Иванович Макушин. По убеждению кадетов, власть в стране должна принадлежать буржуазии. Партия выступает за установление социальной стабильности, повышение эффективности экономики, рост промышленного производства, за возрождение авторитета государственной власти».

Люба. А до этого, в том же 1917, с 30 апреля по 4 мая, состоялся I общесибирский съезд кадетов. Делегаты высказались за установление в России демократической республики, обсудили «вопрос областного устройства Сибири».

Максим. Так был ли член ЦК партии кадетов Макушин политиком или же нет?

Люба. Макушин ни в коей мере не был сторонником революционных перемен, его взгляды типичны для буржуазного просветителя. Не более того. Однако часто его действия и устремления объективно содействовали революционному просвещению масс.

Максим. Но его магазины продавали ещё в 19 веке «Капитал» Маркса, книги Ф. Энгельса, Ф. Меринга, Р. Люксембург, А. Бебеля, Г. Плеханова, В. И. Ленина. Да делая это, Макушин просто успешно «работал» на распространение идей политической борьбы с позиций марксизма.

Люба. Ничего подобного. Ты сам говорил, что это просто бизнес.

Максим. По нынешним временам это – терроризм. Распространение литературы подрывного характера. За это можно хороший срок схлопотать. И не только в России.

Люба. Да ну тебя!.. *(Читает.)* 27 марта 1916 года. В журнале «Искры» (издатель «Товарищество И. Д. Сытина») опубликована статья «Гражданин-просветитель» с большим портретом Макушина: «25 марта исполнилось 50 лет общественной и просветительной деятельности П. И. Макушина, самого крупного и самого деятельного общественного работника в Сибири. Всю свою жизнь он посвятил прекрасному служению народу, его просвещению и образованию. С кличем “Ни одного неграмотного” он начал свою огромную программу деятельности и в течение 50 лет достиг таких блестящих результатов, что слава его имени давно прошла за пределы Сибири. Он начал с забот о “начальной школе”, но уже достиг учреждения “Народного университета”».

Максим. Что-то непонятное для меня со средствами, вложенными в строительство Народного университета. Одни пишут, что Макушин обещал дать 100 т.р., но дал поначалу 40 т.р. оставив распоряжение, по которому он сам и все его наследники должны были отчислять ежегодно из своих средств три тысячи рублей, пока капитал не увеличится, в том числе за счёт процентов, до ста тысяч. Само же строительство здания обошлось в 110 т.р. В итоге откуда-то появляется цифра 200 т.р. лично от Петра Ивановича. Якобы Макушин, заразившись идеей Народного университета начал копить деньги, отказался от собственного выезда, отменил навсегда парадные обеды, перестал появляться среди любителей картёжной игры. А игравшие в его доме в карты на деньги часть выигрыша (25%) обязаны были вложить в кассу будущего Народного университета. И вот, мол, накопил... В одном из документов весной 1902 г. Макушин сообщает о жертвовании всего

500 руб. для общеобразовательных вечерних классов и надеется, что эти классы выльются, в конце концов, в учреждение в Томске всем доступного «Народного университета».

Люба. Пётр Иванович сумел убедить городскую думу выделять ежегодно по 3 тыс. рублей вплоть до открытия университета. Средства он изыскивал постоянно, взывая к чиновникам, сельским волостям, горожанам. Сбор средств к 1909 г. дал сумму уже в 50 тыс. руб. Всего же жертвователей оказалось 1 067 человек, от самого крупного в 2 700 руб. до самого малого в 2 копейки (кстати, все жертвователи опять были поименованы в специальном позже опубликованном списке, и полный отчёт о поступлениях был представлен публике в день открытия университета). Сам Макушин выделил вместе с семьёй 100 тыс. руб., а всего внесено 200 тыс. руб. Вот такой документ есть у меня.

Максим. Я видно чего-то всё-таки не понимаю в этой истории или совсем не соображаю в арифметике. Я читал, что были и вовсе копеечные пожертвования. И много. Почему везде только Макушин, Макушин, а где та одна тысяча шестьдесят семь человек, которые внесли свой вклад в строительство Народного университета? Ведь если взять его вклад – вклад богача, и какого-то крестьянина, который внёс свою копейку из тощего семейного бюджета (копеек, кстати, внесли более семи тысяч штук), то ещё нужно посмотреть, чей вклад больше: миллионщика или почти нищего мужика.

Люба. Но в том и в другом случае мы видим, что образ мысли и жизни предпринимателей и простого мужика рождает у них осознание правильности идеи о благотворительности на ниве просвещения народа. И именно поэтому они сознательно жертвуют на это деньги. Кто сколько может.

Максим. Ты так считаешь? Хорошо, допустим. А вот что скажешь про бесплатную библиотеку. Да, идея Петра Ивановича, но! Томский купец первой, а позже и высшей гильдии, владелец золотых приисков близ Томска, рыбопромышленник, торговец зерном и мукой совершенно неграмотный хант Валгусов взял полностью на себя все расходы и на строительство, и на оборудование библиотеки, в общей сложности 15 тыс. руб. Архитектор. Наранович составил проект бесплатно. А все снова трендят про одного Макушина. А где Валгусов? Где Наранович? Более того, позже, в 1892 г., на средства сибирских купцов А. М. Сибирякова из Иркутска и томича П. В. Михайлова этому зданию добавляется трехэтажная пристройка для размещения в ней Музея прикладных знаний. Музей был открыт в трехэтажной пристройке 2 августа 1892 г. и стал предвестником будущего областного краеведческого. Так почему говорят, что Бесплатная публичная библиотека построена одним Макушиным? Скорее всего, он просто организатор пожертвований на библиотеку и на Музей, не более того.

Люба. Чего ты так волнуешься? Макушин просто очень ловко и умело обрабатывал через свою газету и общественное мнение и конкретных купцов, которые могли спонсировать им задуманное. И они добровольно давали деньги на благое дело. Спасибо ему за это. Молодец!

Максим. Молодец, но я же не про это, я про нашу память о других.

Люба. Знаешь, как у Твардовского: «Кому память, кому слава. Кому вечная вода...»

Максим. О, как ты заговорила! А где же справедливость?

Люба. Справедливость в нашем обществе, как и многое другое, понятие относительное. Назначил, например, тебя шеф начальником отдела – это для тебя справедливо, а для меня уже совсем наоборот. Ну и так далее. Не будем конкретизировать.

Максим. Да, конечно, я понимаю, что наша память шибко зависит от политической ориентации. *(Читает.)* «1925, 13 октября, в Актовом зале Томского университета состоялось новое открытие Народного университета. Макушин выступает с речью: «Граждане, друзья просвещения! (...) Настоящий день я считаю днём воскрешения, пробуждения от летаргического сна моей дорогой идеи о Народном университете и переживаю то же, что переживала бы престарелая мать, встречающая через много лет своего нежно любимого сына, находившегося в безвестной отлучке...». Завершилось торжество пением

«Интернационала»... Ни Валгусов, ни Наранович, ни Второв, ни Цибульский и многие, многие другие меценаты по известным причинам Интернационал уже не пели. А ведь золотопромышленник Захарий Цибульский пожертвовал только на строительство одного Томского Императорского университета более 150 тысяч рублей. И кто об этом помнит? Кто говорит? Вот мне что непонятно.

Люба. Нужно читать правильные документы и правильные статьи и тогда всё будет понятно.

Максим. Знать бы, где они эти правильные...

Люба. 9 января 1916 года, Министр Народного просвещения разрешил городу Томску открыть «Томский городской Народный университет им. П. И. Макушина» при условии: «учебное начальство должно быть осведомлено о том учебном плане, которым это учреждение будет руководствоваться».

Макушин. «На постройку солидного каменного здания для Народного университета с кубатурой 1 835 саж. потребовалось 17 месяцев, на испрошение разрешения открыть университет и на утверждение его устава – 50 месяцев».

Максим. Нисколько не удивлён. У нас и сейчас на оформление разрешительной документации для строительства любого дома уходит два-три года, а на само строительство даже двадцатипятиэтажного дома года полтора. Ничего не изменилось.

Люба. Где ты видел у нас в городе двадцатипятиэтажные дома?

Максим. Это я вообще говорю.

Люба. Не надо вообще, а нужно конкретно. *(Читает.)* 4 марта 1916, Городская дума постановила построить на Воскресенской горе каменный трехэтажный «Дом имени Петра Макушина» для помещения в нём двух начальных школ, школьного музея и детской библиотеки. Белоозерскую площадь обратить вместе с озером в городской сквер и присвоить ему наименование «Макушинского». Улице между Народным университетом и будущим сквером присвоить наименование «Макушинской».

Максим. Дома, улицы, переулки... Прямо культ личности какой-то... Вот с кого вожди пролетариата брали дурной пример ... *(Читает.)* В 1916 году в Томске живет уже 105 тыс. человек. Работает около 550 фабрично-заводских предприятий с оборотом производства до 9 млн. рублей... Ого, какой рост всего за 30 лет! Нам бы так! Чего люди бунтовали? Зачем революцию делали? Не понимаю. *(Читает.)* 27 февраля 1917 года. Петроград охвачен восстанием. Около 70 тыс. солдат перешли на сторону революции. Аресты царских министров, генералов, крупных чиновников. Победа Февральской буржуазно-демократической революции в России. Призыв большевиков создавать Советы... Не к этому ли призывал Пётр Иванович своей распродажей книг марксистских авторов?

Люба. Я тебе своё мнение уже высказала. *(Читает.)* В Томске получено телеграфное извещение из Петербурга о падении самодержавия. 2 марта в Томске образован Временный комитет общественного порядка и безопасности. В его составе – кадеты, эсеры, меньшевики и большевики.

Максим. 4 марта по улицам Томска прошла многотысячная солдатская демонстрация. Вместе с солдатами выступили и томские рабочие. На многолюдном митинге на Новособорной площади они заявили о готовности защищать новый строй и Временное правительство.

Люба. 5 марта в Томске – первое заседание Совета солдатских депутатов. Избран исполнительный комитет, большинство в котором получили большевики. В этот же день в городе создан профессиональный союз рабочих-печатников.

Максим. 15 марта 1917 года. Томский Комитет безопасности решил принять меры по введению 8-часового рабочего дня на предприятиях губернии. Выполнение этого решения поручено предпринимателям.

Люба. 16 июня 1917, служащие книжных магазинов и библиотеки Макушина (всего 57 чел.) выработали требования для предъявления владельцу: прибавка жалованья от 20% до 100%, установление 6-часового рабочего дня. Служащие прекратили работу, обвинив хозяина также и в локауте, вследствие закрытия им магазина на Почтамтской (ныне пр. Ленина).

Макушин. 23 июня 1917 года, я заявил бастующим служащим книжных магазинов и библиотеки, что готов частично увеличить заработную плату, но второе требование – 6-часовой рабочий день – решительно отверг.

Максим. Забастовка служащих в магазине и библиотеке Макушина продолжена. Бастующие обратились к гражданам Томска с призывом о поддержке.

Люба. 30 июня, на заседании правления Союза городских служащих и рабочих по поводу забастовки служащих магазина и библиотеки Макушина принята резолюция, в которой выражена поддержка бастующим, «энергично отстаивающим свои права», и уверенность в том, что «начатая борьба дружными усилиями всех служащих будет доведена до успешного конца».

Люба. Летом 1917 года, «Дом Науки» занимает 18-й сибирский запасной стрелковый батальон. Здесь же формировался женский ударный батальон, который отправился на фронт в конце августа.

Максим. 1 июля 1917, Комитет служащих товарищества резиновых изделий «Треугольник» обратился к забастовочному комитету Союза служащих магазина Макушина с выражением товарищеской солидарности и поддержки их борьбы за лучшее будущее. Комитетом передана материальная помощь бастующим в размере 41 руб. 25 коп.

Макушин. 1917 год, 4 июля. Заседание городской примирительной камеры по вопросу о разрешении конфликта между владельцем и служащими магазина Макушина. Служащим предложено приступить к работе и не предпринимать активных действий, пока камера не примет своего решения.

Люба. 5 июля. 1917 года, служащие магазина и библиотеки Макушина приступили к работе.

Максим. Вся страна помогала рабочим в борьбе с эксплуататором Макушиным. В своё время на него было даже возбуждено уголовное дело за клевету в его газете на своих бывших журналистов, за что он получил 3 месяца тюрьмы, но вторым заседанием суда в Омске был оправдан, с помощью лучшего томского адвоката. Естественно, за большие деньги.

Люба. Вот видишь: оправдан. Значит, нечего и вспоминать про это.

Максим. Хорошо, не будем вспоминать, но суд-то был. И не один.

Люба. Как и у всех купцов. Его коллег банкротили, изгоняли из сословия, сажали в тюрьмы. Всё у них было. Наши современные предприниматели что ли не судятся и не банкротятся?..

Максим. Наши вообще ни в какое сравнение не идут, хотя очень многое плохого взяли именно из того тёмного прошлого. Вот ты думаешь, что тогда не было заказных убийств? Были. *(Читает.)* Вокано, он же Вакано фон Ламберт-Людвиг Филиппович, предприниматель. Являлся австрийским подданным, дворянином. Владелец пивоваренного заведения «Германия», преобразовал его в дрожжево-винокуренный завод и оснастил паровым двигателем. В августе 1900 был убит наёмным убийцей. Его заказала жена за две с половиной тысячи, из-за наличия у него побочной семьи и плохих отношений между супругами, но до суда не дожила, умерла, а всё имущество бездетного убиенного отошло к его бывшей теще. Ну разве это справедливо? К теще - матери убийцы!

Люба. Откуда ты только всё это берёшь?

Максим. Из судебной хроники Томской губернии. Клянусь, не из ментовских телесериалов. *(Роется в своих бумагах.)* У меня где-то ещё есть совсем кошмарные, с убийствами собственных малолетних детей, с сумасшедшим домом, попыткой самострела и в оконцовке расстрелом в НКВД в 1937...

Люба. Ну, уж уволь! Хватит уголовщины! Всякие были люди во все времена.

Максим. Правильно. Каждое время рождает своих героев и антигероев. Вот, взять, например тех же Кухтереных. Про них столько всего написано, что ужас берёт. Им и душегубство приписывают и убийство знаменосца томских революционеров Иосифа Кононова. Ещё в 1905 в городе распространялись слухи о причастности Иннокентия Евграфовича к организации черносотенного погрома. В ответ он опубликовал в газете «Сибирская жизнь» от 5 ноября 1905 письмо, в котором писал: «Я не мог организовать чёрную сотню

для избияния народа, так как не сочувствую тем насилиям, которые совершились 20–22 октября в Томске и которые совершаются теперь почти повсеместно в России». И потребовал расследования обвинений против него.

Люба. Это правда. Чего только не писали в советских газетах о Кухтереных, а вот о том, что сын Иннокентия Евграфовича Алексей проучившись на юридическом факультете Московского Университета около года, ушёл добровольцем в Красную армию, нигде ни слова. *(Читаем.)* «В 1922 он приехал в Томск, по личному приглашению губвоенкома В. И. Репина...» Кстати, не в его ли честь на Спичке названа улица?

Максим. Понятия не имею. Всегда считал, что по имени художника Ильи Репина.

Люба. «...занимался организацией военного всеобуча, был членом губ. совета по физкультуре, участвовал в работе 1-го Всесоюзного совещания советов физической культуры. Из-за травмы головы, полученной во время военно-спортивного состязания, оставил военную службу, перешёл на работу в инспекцию мест заключения, заведовал канцелярией Томского изолятора специального назначения. В 1929 был лишён избирательных прав, а в 1937 – арестован и приговорён к 10 годам лишения свободы. Отбыв срок и вернувшись к родным, вскоре скончался».

Максим. Вовремя умер, а то бы ещё срок припаяли. В конце сороковых многих отсидевших забирали повторно. И с концами.

Люба. А я заметила ещё одну особенность СМИ, пишущих о наших купцах. У кого в СССР остались родственники и довольно образованные и влиятельные, того в конце советской власти и сейчас активно стараются обелить, очистить от того, что на них навесили «неблагодарные потомки».

Максим. Кому же хочется иметь в прошлом родственников мерзавцев и душегубов, хотя... Чего уж скрывать, не все были паиньками. Вот отец того же Алексея Кухтерина, «в пьяной ссоре с поручиком Лопузиным был ранен в живот и скончался, по удостоверению врача Еланцева, от воспаления брюшины, развившегося вследствие огнестрельного ранения».

Люба. А вот ещё любопытные сведения. *(Читаем.)* Купец Верещагин Пётр Иванович отличался «грамотностью, благочестием и своей общественной деятельностью». Избирался церковным старостой Благовещенского кафедрального собора. Но однажды соборный священник пожаловался на его «буйное поведение», и после разбирательства по этой жалобе томское купечество приговорило его попросить у священника прощение или же выплатить штраф в размере годового жалованья обиженного».

Максим. Я и говорю, всякие были. И всё, как у людей.

Люба. И, тем не менее, все купцы, я не имею в виду только вышеназванных, внесли огромный вклад в культурно-образовательную жизнь Томска. Ими сделаны значительные вложения в строительство университета и его дальнейшую жизнедеятельность, в другие учебные заведения, театральную жизнь, помощь бедным и сиротам, родильные приюты, приюты для крестьянских сирот... Всего просто не перечислить.

Максим. Кто бы спорил. Пройди по городу, посмотри все старинные и наиболее архитектурно ценные здания, в которых сейчас госучреждения, магазины и прочее, всё построено ими. И построено на века, с привлечением лучших архитекторов России. А что осталось от Советов? Хрущёбы и развалины храмов.

Люба. Не перегибай палку. Весь Запад застроен такими же панельными курятниками. Основной принцип такой архитектуры - быстро, дешево, удобно. Снесут – не жалко.

Максим. Это у нас-то «быстро дешево, удобно»? Не смехи народ, Люба. Лучше бы дали каждой семье по 10-15 соток земли, которой у нас не меряно, и разрешили бы на ней строить всё, что угодно.

Люба. Ну да, наши люди настроили бы точно такие же хрущёбы, только одноэтажные. Посмотри, чем сейчас город застроили. Всё. Вернёмся к Макушину.

Максим. А что к нему возвращаться? В его биографии всё как-то чистенько-гладенько, наверное, кто-то хорошо позаботился о своём предке.

Люба. Как бы там ни было, а сделано им немало.

Максим. А знаешь, мне больше нравится купец Валгусов. Вот тот и побагаче был Петра Ивановича, и бабок отстёгивал не хило на всякие благие дела. Его, кстати, лично Пётр Иванович раскрутил на строительство публичной библиотеки.

Люба. И правильно сделал. (*Читает*). 26 октября 1917 года Петроградский совет солдатских депутатов объявил Временное правительство низложенным и потребовал передачи себе всей власти.

Максим. 27 октября. В Томске издан приказ начальника гарнизона и исполнительного комитета гарнизонного Совета с сообщением о победе Октябрьской революции в Петрограде и призывом встать на её защиту. Ура, товарищи! Ура-а!

Люба. Перестань паясничать... 21 декабря Томский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил о взятии власти в городе и проведении в жизнь декретов Совета Народных Комиссаров.

Максим. В декабре семнадцатого Томский Совет рабочих и солдатских депутатов занял «Дом Науки» под казарму красногвардейцев-интернационалистов... Народному университету и его зданию не везло с момента рождения самой идеи проекта. То царское министерство не давало разрешения, то - война и революция. Для начала здесь приютились Сибирские высшие женские курсы. Затем - Военный госпиталь и "Очаг для солдатских детей" (в Первую мировую), Сибирское фотографическое общество, Общество изучения Сибири, "Всероссийская академия Генерального штаба" Колчака.

Люба. Условия военного времени так и не позволили развернуть в здании полномасштабную учебную работу. Забегая вперёд можно признаться, что в разное время в нём находились разные службы и организации. Общедоступный университет был по-настоящему открыт только 13 декабря 1925 г.

Максим. Но и в советское время Народный университет здесь так и не заработал: площади поочерёдно занимали то Первый сибирский политехникум им. К. А. Тимирязева, то Первые артиллерийские курсы Сибири и потом снова пошли различные техникумы. В Великую Отечественную в здании разместились эвакуированная из Ленинграда Военная академия, затем эвакуогоспиталь. С 1942 года надолго обосновался завод "Сибкабель" (с 1960-х - заводской Дом культуры), а сейчас Театр кукол «Скоморох».

Люба. Но вернёмся назад. 30 декабря 1917 года Попечительный совет Народного университета имени Макушина принял решение об открытии трёх факультетов – историко-филологического, юридического и естественно-исторического. Помещения предоставил ректор Томского университета Сапожников.

Максим. 10 января 1918 года вечерние общеобразовательные курсы переезжают из «Дома Науки» в Гоголевский дом (оказывается, в Томске был и такой дом): «многие преподаватели не рискуют ходить в вечернее время по пустынной и малолюдной площади около «Дома Науки»; то же самое относится и к слушателям, а особенно к слушательницам, которым положительно опасно бывает это хождение в 9–10 часов вечера по Воскресенской горе, на которой в последнее время «углубители революции» упражняются в стрельбе»... Мда! Хороший полигон для тренировки в боевых стрельбах нашли революционеры. Очень хороший!

Люба. 16 января, в аудитории главного корпуса Томского университета, открылся Народный университет имени Макушина. Первую лекцию прочел профессор Гвоздев. Он рассказал о творчестве Шекспира. Директором Народного университета избран заведующий кафедрой церковного права Томского университета профессор Прокошёв.

Максим. 1918, январь. Книжный магазин Макушина регулярно пополняется книгами, рожденными пролетарской революцией, в том числе томами «Литературного наследства» Маркса и Энгельса.

Люба. В вестибюле «Дома Науки» большевики открыли киоск по продаже книг, брошюр и газет.

- Максим.** 17 февраля. В «Доме Науки» большевиком Канатчиковым прочитана лекция «Диктатура пролетариата и диктатура буржуазии».
- Люба.** 7 марта. Руководители томского Совдепа обложили местную буржуазию пятиmillionной контрибуцией с выплатой в четырехдневный срок. 52 предпринимателя, в том числе Макушин, собрались в здании биржи и заявили властям, что не могут найти требуемую сумму в столь короткий срок. Сразу после этого заявления раздалась выстрелы, здание было оцеплено войсками. Собравшихся отправили в тюрьму. Но с Макушина взяли подписку о невыезде и в тот же вечер освободили.
- Максим.** 31 мая 1918. Произошёл антибольшевистский переворот в Томске. Во главе его стоял томич подполковник Анатолий Николаевич Пепеляев. Члены Томского Совета рабочих и солдатских депутатов спешно покинули город. Томск заняли чехословацкие части и отряды белогвардейцев.
- Люба.** 6 июня. После ухода красноармейцев «Дом Науки» занимает формирующийся из местных офицеров 3-й Томский полк. В полк добровольно начали записываться и солдаты.
- Максим.** 13 августа. Появилось воззвание к томскому Обществу об усилении помощи раненым. В числе нескольких других томичей его подписал и Макушин.
- Люба.** Сентябрь. В «Доме Науки» с согласия Макушина разместились Академия Генерального штаба (начальник генерал-майор А. И. Андогский). Из Екатеринбурга прибыли эшелоны с «лицами административного состава, канцелярией и имуществом». В Томске Академия находилась до октября 1919 г.
- Максим.** 8 сентября. В Томске на объединенном заседании членов правления Музыкально-певческого общества и художественного совета Народной консерватории в присутствии почетного члена общества Макушина предложено открыть в Сибири высшее музыкальное учебное заведение и провести съезд музыкальных работников и представителей общественных музыкальных организаций.
- Люба.** 20 сентября. Началась забастовка печатников, в которой участвуют рабочие переплетной мастерской Макушина. Одно из требований – повышение заработной платы на 100 руб.
- Максим.** Сентябрь. Объявлен сбор пожертвований на помощь раненым воинам Белой армии. Взносы принимаются в Обществе взаимного кредита и в магазине Макушина.
- Люба.** Сентябрь. Макушин передал дорогостоящий концертный рояль из «Дома Науки» Томскому университету, чтобы пианистка Александрова-Левенсон могла иллюстрировать курс истории и теории музыки, который читает на историко-филологическом факультете её муж профессор Александров.
- Максим.** 8 декабря. Начался учебный год в Томском городском Народном университете им. П. И. Макушина. Лекции проходят в аудиториях университета и Технологического института. Их читают профессора томских вузов, некоторые преподаватели средних учебных заведений. Заведует Народным университетом профессор С. Гессен. В отчете за 1918–1919 учебный год он пишет, что в условиях Гражданской войны «...не могло быть и речи о регулярных занятиях систематического характера».
- Люба.** 1919, 10 апреля. Завершился учебный год в городском Народном университете имени Макушина. Прочитана 41 лекция. Посещаемость колебалась от 13 человек до 480. Общее число посетивших лекции – 5 834 человека. Проф. Гессен прочёл две лекции на тему «Социализм, анархизм и коммунизм»; проф. М. М. Хвостов – три лекции «Чему учит нас, русских, опыт Великой Французской революции»; проф. П. Г. Любомиров – шесть лекций по истории русского освободительного движения и две лекции о происхождении мировой войны и так далее.
- Максим.** Объявленные лекции «Признаки красоты в памятниках архитектуры» и «Русское искусство в Сибири» (проф. А. Д. Крячков); «Живопись старых мастеров» и «Импрессионизм во французской живописи» (худ. М. М. Поляков) не состоялись «из-за

прекращения работы электрической станции в Технологическом институте в конце марта». Билеты по цене 30 коп. продавались в магазине П. И. Макушина.

Люба. Некто А. Н. Шипицин в связи с предстоящим 75-летием Макушина пишет на страницах «Сибирской жизни»: «Через тысячи препятствий, “волчьих ям” и заграждений старого полицейского государственного режима, среди бурь и непогод сибирской бытовой и административной жизни пронес непогашенным свой светильник старый испытанный борец с народным невежеством. Громадная программа приближения к народным массам источников света и знания закончена. Путь от начальной школы до народного университета пройден».

Максим. Андрианов писал: «Я не знаю, кто в области просвещения Сибири сделал больше П. И. Макушина, не знаю, кто бы мог, кроме него, это сделать, кто бы в состоянии был поднять на свои плечи такую тяжесть и нести её неустанно всю жизнь, нести с любовью, с постоянным проявлением инициативы, в борьбе с препятствиями, при наличии личной к нему враждебности с разных сторон, иногда даже и среди ближайших помощников и сотрудников».

Макушин. В те годы я «лелеял прекрасную мечту» создать в Томске «Дом искусств», в котором разместились бы сибирская консерватория, сибирская академия художеств, сибирский художественный театр.

Максим. 1919, 20 апреля. П. И. Макушин обратился с письменным прошением на имя А. В. Колчака, председателя Совета Министров выдать ему при жизни разрешение на погребение в северо-восточном углу ограды «Дома Науки». И в этом он точно не проиграл: все старорежимные кладбища при советах были снесены, а его могила до сих пор цела.

Люба. 1919, 29 марта. Опубликовано заявление Макушина в Городскую думу о намерении «положить основание капиталу на постройку “Дома Искусств” для художественных образовательных учреждений» в Томске.

Макушин. Я обещал в течение шести месяцев внести «на имя томской городской управы» с этой целью 150 тыс. руб. «Дом предназначался для бесплатного размещения классов музыки и пения, классов живописи и ваяния, классов сценического искусства и декламации».

Максим. Архитектор Крячков поддерживает Макушина в желании создать в Томске «Дом Искусств». Он публикует статью, в которой пишет, что «благодаря порыву одного человека, давнишняя мечта художников и всех любящих искусство осуществится, и в Томске будет создан крупный художественный центр»... И я хочу спросить вас, дорогая Люба, где же этот центр?

Люба. Тебе прямо сказать, где он, или сам догадаешься?

Максим. Не надо, я понятливый.

Люба. 1919, июнь. Председатель Экономического совещания при Верховном правителе России Колчаке Гинс пригласил Макушина участвовать в работе совещания.

Максим. Теперь мне становится более понятным более чем прохладное отношение к нему советской власти.

Макушин. В августе 1919 года, узнав «о громадных заболеваниях в армии сыпным тифом». Я написал в «Известиях»: «Враг всякого насилия, состоя членом правления общества пособия раненым, я решил на свой счет устроить вагон-баню и вагон-дезинфекционную камеру».

Люба. 1919, 4 октября. Председатель Совета министров Временного российского правительства Вологодский обратился к Верховному правителю адмиралу Колчаку с докладом, в котором перечислены многочисленные заслуги проживающего в Томске известного сибирского просветителя и общественного деятеля Макушина, просит согласия Колчака на присвоение Макушину звания почетного гражданина Сибири. Ознакомившись с докладом, Верховный правитель наложил резолюцию: «Согласен. Адмирал Колчак. 4. X. 1919».

Максим. Знаем, проходили. Все звания и награды у нас делаются в основном по инициативе самих соискателей, проделывающих огромную работу по добровольному волеизъявлению начальства и по инициативе неких мифических народных масс. Посмотри по датам благотворительной деятельности в пользу Колчака, интересная информация открывается. Вначале обещание сделать вагоны, потом звание и только потом деньги на вагоны.

Макушин. 4 октября 1919 года, подписан Указ Верховного правителя адмирала Колчака: «В ознаменование долголетней общественной деятельности и особо выдающихся заслуг Почетного гражданина г. Томска Петра Ивановича Макушина, оказанных им населению Сибири в деле просвещения, повелеваю: Почетному гражданину г. Томска Петру Ивановичу Макушину присвоить звание Почетного гражданина Сибири». Я стал третьим почетным гражданином Сибири после Г. Н. Потанина и П. В. Вологодского.

Максим. 1919, 7 октября. «Сибирская жизнь» сообщает, что П. И. Макушин внёс 30 тыс. рублей «на устройство и оборудование в двух предоставленных правительством вагонах прифронтовых бани и дезинфекционной камеры для раненых и больных воинов. Через несколько дней эти вагоны будут окончательно оборудованы и отправлены на фронт». Также им пожертвовано 5 тыс. руб. «на нужды организуемой в Томске дружины крестоносцев». Вагон-баня и вагон-дезинфекционная камера оборудованы всем необходимым – до веников и мочалок включительно. Температура в бане достигает 40 градусов, котел рассчитан на 40 ведер горячей воды. В течение дня можно помыть 200 человек, а их вещи обработать горячим воздухом.

Макушин. «Вагоны были сданы мною уполномоченному Союза городов и отправлены на линию «Омск – Екатеринбург – Москва». Стоимость оборудования обошлась до 50 тыс. руб.».

Максим. Опять нестыковка в цифрах.

Люба. Ну и что? Подумаешь, цифра... Не все богатые люди России при жизни красиво и главное вовремя жертвовали на благие дела. Вот, например, в конце 19 века – начале 20, жил в Москве купец Гаврила Солодовников. Жадный был человек до ужаса. Сам жил на 20 копеек в день и семья жила так же. Говорят, что старик мог даже стащить на рынке что-то у торговки: репку, морковку... А состояние его было огромное. Он входил в топ первых богачей империи. Когда его упрекали таким образом жизни, он говорил, что вот умру и обо мне вся империя узнает. Когда он умер, у него осталось более 20 миллионов рублей. Один миллион он отписал родственникам, оставшиеся пустил на благотворительность: школы, приюты для сирот, дешёвые дома для рабочих по всей России... В Москве до сих пор стоят его здания на тысячу квартир. Пожертвования Солодовникова были гораздо большими, чем у Макушина. Возникает вопрос. Кто из них принёс больше пользы: тот, кто всю жизнь зарабатывал деньги и одновременно приносил пользу людям, или тот, кто всю жизнь копил и только после своей смерти всё отдал людям?

Максим. Вопрос, конечно, риторический. Но правды ради нужно сказать, что Солодовников и при жизни кое-кому помогал.

Люба. Именно, кое-кому и кое-чем.

Макушин. 1919, 1 ноября, к этому дню Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален Томской губернии открыло 600 библиотек, в основном, при начальных народных училищах. Всю работу вела Елизавета Петровна Макушина. «Я с гордостью отмечаю, что этот подвиг из любви к делу и из сознания его важности безвозмездно проделан моей дочерью Елизаветой при найме временами одного переплетчика».

Максим. По другим сведениям, до 1919 года Общество учредило 571 бесплатную сельскую библиотеку с общим числом книг 180 000. Это если уж быть точным. Опять нестыковка.

Люба. Успокойся. Через месяц Общество содействия навсегда прекратило свою работу.

Макушин. 9 ноября 1919 года, на общем собрании пайщиков Сибирского товарищества печатного дела, посвященном 25-летию газеты «Сибирская жизнь», я предложил учредить «Литературный фонд Сибири» и пожертвовал для этой цели 25 тысяч рублей.

Люба. Но в начале декабря 1919 года Владимир Михайлович Посохин сообщил Петру Ивановичу Макушину о своём выходе из дела. Макушин срочно выехал в Иркутск принимать типографию компаньона-родственника и книжный магазин. Семья Посохиных эмигрировала в Харбин, где у Посохина уже был открыт свой книжный магазин, приносящий ему неплохой доход.

Максим. 18 декабря 1919 года Городской комитет общественного порядка и безопасности объявил о прекращении своей деятельности в связи с переходом власти в руки военно-революционного комитета.

Люба. 21 декабря 1919 года. «Первый отряд красноармейцев вошёл в Томск. По улице Монастырской (ныне Крылова) проехал кавалерийский разъезд, с красными полосами на папах. В городе надолго утвердилась советская власть».

Максим. Дело Макушина объявлено большевиками общенародной собственностью. Составлен «Акт об опечатывании магазина П. И. Макушина по Благовещенскому пер., д. № 4». Подпись за владельца поставил инженер Скокан, зять Макушина. В конце декабря 1919 года советское правительство устроило в «Доме Науки» школу красных командиров.

Люба. 2 января 1920 года служащие и рабочие Макушина получили заявление от председателя ревизионной комиссии о национализации всех предприятий Макушина.

Максим. В январе же в «Доме Науки» открылись ещё и Сибирские артиллерийские курсы.

Люба. В феврале состоялось открытие Центральной городской библиотеки-читальни в двух комнатах бывшего книжного магазина Макушина. От имени библиотечного совета тов. Герасимова «заявила, что библиотека отныне будет доступна для всех. Книги будут выдаваться совершенно бесплатно и без залога».

Максим. А я что говорил? «Отныне бесплатно и без залога»...

Люба. Центральная городская библиотека (бывшая Макушина) не досчитывается половины всех своих книг (т. е. книг библиотеки Макушина) и просит подписчиков, у которых находятся просроченные книги, немедленно их вернуть, иначе «будут приняты самые строгие меры» – объявлено через газету.

Макушин. В феврале 1920 года в Иркутске «всякая частная торговля книгами, брошюрами и другими видами литературы воспрещается, все частные книжные магазины, склады, киоски закрываются». Издательству подотдела информационного бюро Иркутского губернского военно-революционного комитета предписано «произвести учёт и реквизицию всех книжных магазинов и организовать торговлю книгами по типу контрагентств при ВЦИК». Из книг моего бывшего магазина я создал библиотеку для чтения членов профессиональных союзов и для советских работников, назвав её «Советский уголок». Сам работал в ней библиотекарем.

Максим. Пока Макушин работал в Иркутске советским библиотекарем, 7 марта 1920 в Томске большевиками был расстрелян Александр Васильевич Адрианов (1854–1920), общественный деятель, этнограф, публицист, последний редактор «Сибирской жизни».

Макушин. 23 мая 1920, я был арестован в Иркутске по ордеру штаба 5-й Армии. Освобожден через три дня. В моём доме произведен обыск.

Люба. 29 мая 1920, возвращаясь в Томск, Макушин получил справку от Иркутского отделения агентства «Центропечать»: «Настоящим удостоверяю, что П. И. Макушин безвозмездно работал энергично и честно с большим знанием дела в библиотеке-читальне “Советский уголок” Иргубагента “Центропечать” в качестве специалиста книжника-библиотекаря с момента возникновения библиотеки-читальни до последнего дня его отъезда из Иркутска в Томск, за что “Центропечать” настоящим выражает ему свою глубокую благодарность. Просим все советские, партийные и другие организации оказать П. И. Макушину возможное содействие, как чрезвычайно полезному для советского строительства России специалисту и как истинному другу народа».

Макушин. 6 июня 1920 я вернулся из Иркутска в Томск, где прошла национализация всей моей собственности. «Национализация прошла в общем порядке строительства новой жизни, и возражать и оспаривать её я не считал и не считаю себя вправе. Но я тяжело

перенес муниципализацию старого деревянного дома, в котором прожил половину моей жизни и был жестоко обижен и остаюсь таковым; конфискацию моей домашней обстановки: семейной библиотеки, мебели, посуды, экипажа, лошади, коровы и т. п. На 76-м году жизни я оказался обнищальным, бесприютным стариком. В голове гвоздем до сего времени остаётся не разрешенным вопрос: за что? И в прошлом полувековая неустанная работа в пользу просвещения, на пользу всей Сибири, и такой конец...»

Люба. 1920 год, 7 июля. П. И. Макушин арестован томской ЧК «по чьему-то доносу».

Макушин. Два конвоира провели меня ночью через весь город в дом предварительного заключения. Провёл под арестом 15 часов. После освобождения – тяжело заболел. После этого нападки на меня прекратились. В 1923 году мне даже вернули дом по ул. Равенства, 1 (сейчас ул. Гагарина) и избрали членом правления Сибирского книжного издательства. «Отношение томской интеллигенции к моему аресту по ордеру ВЧК и отношение последнего ко мне во всем своём составе явилось для меня живительным дождем, который падает на пожелтевшие от засухи поля и нивы и вызывает оживление и рост. В душе зарождается интерес к жизни. Мы ещё повоюем!

Люба. Так писал Пётр Иванович в 7 часов утра 8 июля 1920 года, то есть, на следующий день после ареста.

Макушин. 1 сентября 1920 года я обратился в СНК РСФСР к управляющему делами В. Бонч-Бруевичу за разрешением на погребение во дворе «Дома Науки» в Томске.

Люба. 3 февраля 1921 года Томский губисполком по разрешению Москвы выдал ордер на могилу Макушина во дворе «Дома Науки»... Всё же сильный человек, мужественный даже.

Максим. Живой, здоровый, а о своей могиле хлопочет. Не понимаю.

Макушин. 26 июня 1922 Сибревком утвердил новое положение о Сибгосиздате. Председателем правления назначен Ярославский, я член правления и одновременно заведующий торговым отделом Сибирского отделения Государственного издательства. Предстоит переезд в Новониколаевск: «Идейная сторона дела – продвижение книги в народ, игравшая в моей предыдущей жизни большую роль, – прельстила меня, я дал своё согласие». 1922, август вместе с сотрудниками Сибгосиздата еду в Москву для закупки книг. Встречаемся со знакомыми книгоиздателями и книготорговцами, сотрудничающими с советской властью. «Мечтаю об учреждении в России института книговедения, по крайней мере, книжного техникума». 14 февраля 1923 года я внёс в правление Сибгосиздата предложение об открытии Сибирского литературного фонда (издание произведений сибирских писателей, помощь молодым литераторам в получении образования, поддержка денежными средствами ученых, изучающих Сибирь, выплата пожизненных пенсий престарелым литераторам).

Максим. Советы всё отобрали, а он рвётся на них работать. Вот чисто кулацкая натура: хлеба не надо, дай поработать.

Люба. Да не на них он работал, а на народ. Каждый крепкий советский руководитель был кулаком по сути своей деятельности в профессии. В хорошем смысле этого слова - кулаком. А развалили страну говоруны либералы и партноменклатура с непрофильным образованием, неучи, бездарности, лодыри и просто бандиты.

Максим. Будто сейчас в наших министерствах сплошные профи и трудоголики. Посмотри на министров: спортсмены, менеджеры, артисты и прочие господа, ни дня не работавшие на производстве.

Звучит голос Ирины. Ребята, ваше время закончилось, освободите студию.

Максим. Ё-моё!... Что уже пора? А что же мы завтра давать будем в эфир? Ирина, дай ещё полчаса, умоляю. Мне ещё столько хотелось сказать... Посидеть в архиве, полистать доки... Я бы столько чего там ещё нашёл...

Голос. Нет. Я вас сразу предупреждала, что у вас час тридцать. И вообще... *(Тихо.)* Меньше болтать нужно было. Вы не одни сегодня в студии.

Максим. А кто болтал? Кто болтал?! Мы работали. Это творческий процесс...

Голос Ирины (*громко.*) Всё!

(Слышится звук выключаемого микрофона.)

Максим. А мы чё? А мы ничё... Как прикажете-с...

Люба. Максим не волнуйся, я не выключала микрофон и всё, что мы тут говорили, сможем завтра с утра смонтировать. Лишнее вырежем и вечером пустим в эфир в записи.

Максим. Фу-у!.. Ну, ты молодец! Спасла. Что бы мы без тебя делали?

Собирают свои бумаги.

Люба. Не мы, а ты без меня. Я бы спокойно сделала программу одна, а ты бы с кем-нибудь спорил целый час, как всегда по пустякам. Пошли, спорщик, пока Ирина сама нас не выгнала.

Максим. Люба, любовь моя, ты в корне не права. Я не спорщик, я твой вечный оппонент и борец за справедливость.

Люба. Хватит болтать, Макс. Надоело. Наше время кончилось. Всё, что успели сказать, сказали. Пусть слушатели во всём этом сами разбираются.

Уходят. Сразу же появляется Макушин.

Макушин. А я никогда и не считал себя ангелом небесным. Жил хоть и грешно, но сделал больше многих праведников. И не мне судить о том, что же было главным в моём деле: бизнес или желание изменить в лучшую сторону жизнь народа. Пусть даже и путём ломки через колено. Это ваша прерогатива. Только помните, все мы люди и ничто человеческое нам не чуждо.

Здесь много не досказано, но если у кого-то возникнет желание более глубокого изучения моих дел, замыслов и осуществлённых проектов, советую обратиться в мою, а теперь уже в государственную библиотеку, и в Томский государственный университет.

Уверяю вас, вы найдёте ещё много интересного и полезного для вас сегодняшних.

Затемнение. Звучит голос из динамиков.

В 1932 году, в третьем томе «Сибирской советской энциклопедии» опубликована статья о Макушине (без подписи). «Макушин Петр Иванович (1844–1926) – книготорговец, общественный деятель, один из пионеров книжного дела и просвещения в Сибири», инициатор и организатор многих культурно-просветительных учреждений в Томске. «Либеральная просветительская деятельность Макушина имела для него и значительный капиталистическо-приобретательский интерес. Расширяя сеть школ и библиотек, Макушин этим самым параллельно расширял свою торговую сеть и увеличивал свой капитал и торговые обороты». Макушин Петр Иванович // Сибирская советская энциклопедия.

Конец